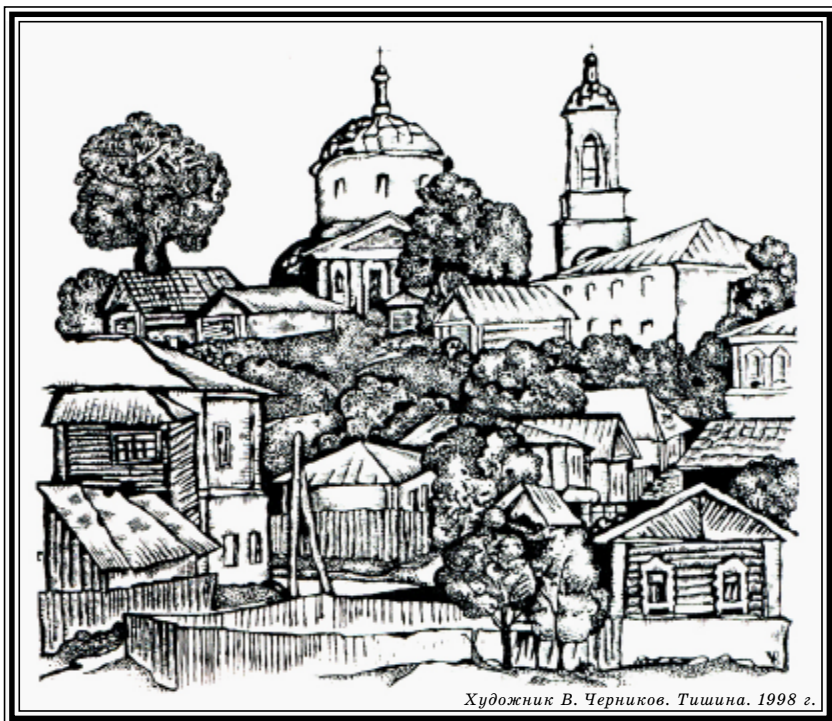

БОРОВСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Боровск 2006

**ЦЕРКОВЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА
В С. КРАСНОМ. ФОТО 1968 Г.**

БОРОВСК

**Редакционная
коллегия:**

***В.И. Осипов
Н.В. Зиновкина
Н.С. Студёнов***

**Контактные
телефоны:**

**(8-48438) 4-32-36
E-mail:
victory1@kaluga.ru**

**Выпуск 3
Боровск
2006**

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Лошкарёва Н.П.
*Прошлое села Красное
Боровского уезда*
-4-

Лошкарёва Н.П.
*Строительство церкви архангела
Михаила в с. Красном
Боровского уезда*
-16-

Осипов В.И.
*Боровская драма:
от старообрядческой часовни
к единоверческой церкви*
-39-

Суворова Е.В.
*Купец-антиквар
и коллекционер Т.Ф. Большаков*
-59-

Лошкарёва Н.П.
*Узяков Ракиб Абубакирович
(к 80-летию краеведа)*
-64-

Лошкарёва Н.П.
*Денисова Анна Леонидовна
(к 70-летию реставратора)*
-72-

Н.П. ЛОШКАРЁВА

ПРОШЛОЕ СЕЛА КРАСНОЕ БОРОВСКОГО УЕЗДА

Недалеко от г. Боровска у подножия красивой возвышенности вдоль правого берега р. Протвы располагается с. Красное. Своим названием оно обязано, видимо, живописной и удобной местности, которую ещё в древности облюбовали первые поселенцы. И как всякое поселение, какое бы оно ни было — маленькое или большое, старое или молодое — оно, безусловно, заслуживает внимания историков. Тем более что о с. Красном Боровского района должного исследования не существует*. В настоящей работе автор впервые пытается проследить исторический ход развития поселения с древнейших времён до 1917 г. Для этого были использованы документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Калужской области (ГАКО), а также издания XVIII—начала XX столетий и современные исследования.

Первое упоминание о Красном селе встречается в «Докончании великого князя Василия Васильевича с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем» в 1447 г. (1). Археологические же разведки фиксируют более раннее заселение этих мест. Первое древнее поселение появилось в 0,3 км к северу от ныне существующего села в середине I тыс. н.э. Основано оно было племенами мощинской культуры с последующим заселением в эпоху средневековья, XIV—XVI вв. (2). На юго-восточной окраине села, на высокой надпойменной террасе правого берега р. Протвы сохранились остатки другого поселения XV—XVII вв. (открыто и обследовано О.Л. Прошкиным в 1985 г.). Культурный слой его име-

*за исключением статьи Н.П. Лошкарёвой «Материалы к истории села Красное», опубликованной в газете «Земля боровская» (газета в газете «Боровские известия») в 2000 г. в №7, 8–9 (ред.).

ет мощность 0,2—0,35 м и содержит фрагменты гончарных тонкостенных, бело- и сероглиняных, а также чёрнолощёных сосудов XV—XVII вв. По мнению О.Л. Прошкина, это и есть остатки упоминаемого в 1447 г. Красного села (3).

Ранее село принадлежало Дмитрию Юрьевичу Шемяке, но в связи с междоусобной феодальной войной и борьбой за великокняжеский стол данная территория оказалась в ведении великого князя Василия II Васильевича Тёмного. Последний ставил условие серпуховско-боровскому князю Василию Ярославичу в уже упомянутом нами докончании 1447 г., что если князь Дмитрий Юрьевич придёт к великому князю с повинной, то тот вернёт ему его же вотчину, иначе — великий князь отдаст волость Суходол и с. Красное Василию Ярославичу (4). Согласно докончанию, датируемому 1450—1454 гг., великий князь Василий Васильевич всё-таки отдал князю серпуховско-боровскому «Суходол, Вышегородские волости с Красным селом и со всем тем, что к Суходолу потягло из старины, также в удел и в вотчину». При этом великий князь брал на себя обязательство «твоего удела, трети Московские и всего твоего удела, и Суходола с Красным селом, того ми, брате, под тобою всего блюсти, и боронити, а не обидети, не вступатися». «А с Суходола и с Красного села дань ти имати себе, а в выход ти дани мне суходольские и Красного села не давати» (5). Докончание 1451—1456 гг. подтверждало право князя Василия Ярославича на владение с. Красным (6). Но в 1456 г. удел и вотчины арестованного и сосланного серпуховско-боровского князя были ликвидированы и перешли великому князю Василию II (7). Последний в духовной грамоте (3 мая 1461—27 марта 1462) завещал с. Красное своему сыну Ивану (8), закрепив его, таким образом, за Московским княжеством.

С этого момента исторический след с. Красного теряется почти на полтора столетия по причине недостаточного количества найденного документального

материала. Сведения встречаются только с начала XVII столетия.

В 1613–1614 гг. с. Красное входило в Окологородный стан Боровского уезда и делилось на жребии: один находился в вотчине за Любимом Семёновичем Юровым, два жребья — в поместье за Богданом Михайловичем Челищевым и Константином Семёновичем Дурново (9). Л.С. Юров получил свою вотчину при царе Михаиле Фёдоровиче за московское осадное сидение в Смутное время (10). После 1614 г. она была выкуплена Кирием Васильевичем Патрикеевым и числилась за ним уже в 1628–1629 гг. В этот же период имел в селе поместье Саввин Константинович Дурново (11).

По данным на 1629–1630 гг. село и его земли были поделены между К.В. Патрикеевым, Афанасием Челищевым, С.К. Дурново и Семёном Фёдоровичем Загряжским на жребии. Жребий К.В. Патрикеева составлял 45 четей пашенной земли, 18,5 четей земли перелогом, 56,5 десятин находилось под лесом, 10 десятин было леса непашенного, 66 копён земли сенокосной, а также стояли 1 владетельный двор, 4 пустых двора и 1 двор крестьянский (12). Жребий А. Челищева по с. Красному, входившему тогда в Лужецкий стан, исчислялся 3 пустошами, 17 четьми пашенной земли, 19 четьми леса пашенного, 4 четьми непашенного, 170 копнами сена. Всего в его жребии было земли 362 чети, стояли 1 владетельный двор, 1 крестьянский и 1 бобыльский (13). Третий жребий находился за С.К. Дурново. У него было под пашней 15 четей земли, перелогом 53 чети, земли наездом 2 чети, под лесом 117 десятин, всей земли 180 четей, леса пашенного 16 десятин, сенокосной земли 90 копён. За ним числилось 4 пустых двора, 4 крестьянских с 8 живущими в них и 1 двор бобыльский. Жребий С.К. Дурново составлял $\frac{2}{3}$ пустоши, $\frac{1}{3}$ пустоши и Солниковский луг (14). Четвёртый жребий значился за С.Ф. Загряжским: 3 чети пашенной земли, 7 четей перелога, 15 десятин леса, 1 десятина леса пашенного, сенокосной земли 10 копён, стояли 2 двора

пустых и 1 бобыльский (15). Исходя из вышеизложенного, трудно произвести подсчёт общего числа жителей села, которое явно изменилось в 1649 г., когда прибывший в Боровск строитель Леонтий Корсаков отписал на посад у боярина Никиты Ивановича Романова его часть с. Красного с 31 двором (88 человек) (16). Однако известно, что в 1705 г. в 16 сельских дворах проживало 63 человека, а владели селом стольник Алексей Фёдорович Челищев, Фёдор Данилович Дурново и Дмитрий Иванович Дурново (17). При этом надо заметить, что и земля и деревня А.Ф. Челищева ещё при его отце, в последней четверти XVII в., была отмечена на одной из первых боровских карт, которая хранится в настоящее время в РГАДА (18).

По межеванию, учинённому 4 июля 1769 г., среди владельцев села значились Александр и Андрей Сенявины, Фёдор Антонович Митерин, капитан Семён Алексеевич Челищев и Иван Васильевич Зембулатов (19). Данные цветного чертежа 1790 г. подтверждали, что с. Красное состояло во владении полковника Андрея Богдановича и сержанта Александра Авраамовича Синявиных (в случае с Сенявиными и Синявиными речь идёт об одних и тех же людях — см. прим. 19, 20, 22), майора Ф.А. Митерина, капитана С.А. Челищева, И.В. Зембулатова, а также прапорщика Алексея Сысоевича и его сына Семёна Казаковых (20). Указывалось, что по межеванию от 31 июля 1766 г. за ними числилось пашенной земли 367 дес. 728 саж., под санными покосами — 35 дес. 1700 саж., под лесом — 259 дес. 1188 саж., под огородами — 15 дес. 1770 саж., под дорогами — 6 дес. 2100 саж., под 1/2 реки — 9 дес. 400 кв. саж. и под болотами, прудами и дорогами — 5 дес. 542 саж. земли. Всего 699 дес. 1238 саж. Отмечены были и 18 дес. 1409 саж. церковной земли, поскольку ещё с XVII в. в селе значился храм во имя архистратига Михаила. Отдельно по селу были подсчитаны жители — 140 душ мужского пола, из которых 67 принадлежали С.А. Челищеву, 62 — И.В. Зембулатову и 11 — Ф.А. Митерину (21).

В 1800 г. село с пустошами продолжало находиться в совместном владении полковника А.Б. и сержанта А.А. Синявиных, майора Ф.А. Митерина, капитанов С.А. Челищева и И.В. Зембулатова, прапорщика Алексея Сысоевича и его сына Семёна Казаковых, а также служителей храма архангела Михаила. В селе насчитывалось 28 дворов. В них проживало 140 мужчин и 136 женщин. Под поселением было занято 15 дес. 1770 саж. земли, под пашней — 385 дес. 484 саж., под лесом строевым и дровяным — 259 дес. 1188 саж., под сенокосом — 32 дес. 1710 саж. и под неудобными местами — 21 дес. 1295 саж. Всего 714 дес. 1647 саж. земли (22).

Церковная земля располагалась в трёх местах в районе с. Красного. В первом месте под пашней, сенокосами и неудобьями было 6 дес. 1883 саж. земли, во втором — 6 дес. 222 саж. и в третьем — 4 дес. 60 саж. (23).

Данные цифры из «Экономического камерального примечания городу Боровску и его уезду» дополнены были здесь же подробной характеристикой экономического состояния села. Прочитируем её: «Оное село лежит на берегу реки Протвы по течению ее на правой и по обе стороны впадающего во оную безымянного отвершка. Та река против оного села в самое мелких местах в летнее жаркое время глубиною бывает на один аршин, шириною на двадцать на пять сажень. В нея рыба и щуки, окуни, лещи, шелесперы, плотва, ерши, галцы и пескарь. Дача ж простирается по берегам оврагов по течению в них водотоков Красного налево и Чолхова и трех безымянных отвершков на правых сторонах и по обе стороны верховьев ямного оврага и речки Городенки, которые также и предписанные водотоки в жаркое летнее время совсем пересыхают. Отмежеванные ж церковные земли лежат первая на суходоле, а вторая и третья на берегу крутого оврага по течению водотока на правой стороне, и оной водоток тож пересыхает, как обрабатываютца самими церковниками. В том селе церковь деревянная во имя Архистратига Михаила, два двора господских капитанов один Чели-

щева, а другой Зенбулатова. Ис коих при одном, капитана Челищева, сад иррегулярной с плодовиными деревьями яблоневыми, красной и черной смородины. С них плоды збирают для употребления помещику. Три пруда, в них рыба, одни караси, кои также из реки употребляетца для расходу помещикам, отчасти и на продажу. Сверх же того на двух прудах состоят мучные мельницы по одному поставу, действие имеет, кроме полои воды и повреждение, во весь год. С них оброку помещику Зембулатову по десяти рублей, а в казну платитца ... по тридцети по четыре копейки. Воды в реке и прудах для употребления людем и скоту здоровы. Земля качество имеет глинистое, ис посеенного на ней хлеба лутче родится рошь, овес и горох. А пшеница, ячмень и гречиха средственно. Сенные покосы травую против других жителств лутче. Лес осиновои и березовои, котрои для поташа неспособен, а к строению несколько годнаго в отруб в пять и семь вершков вышиною в шесть и восемь сажень, а между строенным по болшой части дровянои, коего особо и каждого порознь размерять неможно. В нем звери волки, зайцы и белки, птицы тетеревы, дрозды, скварцы, соловьи, вороны, ястреба, сороки, синицы, щеглята и чижи. Крестьяне состоят на изделье, промышляют хлебопашеством и чему радетельны и землю на помещиков сто шездесят пять десятин, а восталну всю на себя запахивают. Женщины упражняются сверх полевой работы в рукоделии: прядут лен, шерсть, посконь, ткнут холсты и сукна для своего употребления» (24).

Столь отрадная сельская идиллия в 1812 г. была нарушена непродолжительным вторжением в Боровский уезд наполеоновской армии. Можно предположить, что обитатели с. Красного, как и жители г. Боровска, не остались в стороне в августе–октябре 1812 г., когда шло активное укрепление границ уезда (25). Но при подходе неприятеля Боровск был покинут жителями, забравшими с собой самое ценное и необходимое (26). Были среди них красносельчане или не были, сожгли

французы село при отступлении или нет, сказать довольно сложно. Небольшую ясность в события 1812 г. вносят сведения местного священника отца Василия Алексева, который, отвечая на анкету А.И. Михайловского-Данилевского, отметил, что из-за близкого расстояния к г. Боровску французы не обошли села, и храм подвергся «обруганию», «престол и жертвенник» были истреблены, «церковная же утварь и все святые иконы соблюдены прихожанами» (27). (Скорее всего, в церкви французы расположили конюшни. — *Н.Л.*) После того, как неприятель покинул село, в храме всё было заново обновлено и освящено. Особо священник указал, что в селе «подвигов, достойных памяти и внимания, не было» (28).

Жизнь села постепенно стала входить в обычное для него русло. По планам дач Генерального межевания 1848 г. первой частью села владел помещик Алексей Дмитриевич Хитрово. Ему принадлежало 221 дес. 1386 саж. пашенной земли, 133 дес. 984 саж. земли, поросшей кустарником, 16 дес. 1220 саж. земли было под санными покосами, располагавшимися по оврагам, 1 дес. 1560 саж. земли занимали дороги и 2 дес. 2180 саж. земли — р. Протва и ручьи. Всего 376 дес. 130 саж. земли, из которой удобной 371 дес. 1190 саж. (29). За ним числилась и третья часть села — 25 дес. 28 саж. земли. Здесь пашенной земли было 1 дес. 1418 саж., сенного покоса — 14 дес. 1046 саж., под огородами и садом — 5 дес. 764 саж., под р. Протвой — 3 дес. 1600 саж. В селе стояло 10 его дворов (60 душ мужского и 63 души женского пола) (30). Указанные земли с крестьянами были куплены А.Д. Хитрово у бывшего владельца, Николая Александровича Зембулатова, в 1846–1848 гг. Последний, в свою очередь, приобрёл их у подполковника Петра Михайловича Загряжского (31).

Вторая часть с. Красного считалась владением подпоручицы Варвары Васильевны Покровской и малолетних детей Василия, Владимира, Николая и Петра Дмитриевичей Челищевых. Под пашнями у них было

занято 169 дес. 869 саж., под кустарником, где можно косить, — 102 дес. 2319 саж., по оврагу, где можно косить, — 15 дес. 1752 саж., под огородами — 3 дес. 651 саж., под р. Протвой, прудами — 4 дес. 1860 саж., под просёлочными дорогами — 1 дес. 1429 саж. Всего 297 дес. 1680 саж. По восьмой ревизии за ними числилось 14 дворов с крестьянами: 63 мужского и 65 женского пола (32).

Мария Ивановна Занегина, почётная гражданка, владела четвёртой частью села — 1800 саж., из которых под санными покосами находилось 500 саж. и под р. Протвой — 1300 саж. Земля располагалась по берегу р. Протвы, был мост (33).

Числилась земля и за сельской церковью архангела Михаила — 6 дес. 1290 саж. (34).

Среди перечисленных владельцев обращает на себя внимание представительница купеческого сословия М.И. Занегина. Она, видимо, была женой верейского купца, устроившего в 1836 г. в с. Красном бумагопрядильную фабрику на 6350 веретён с паровым двигателем на 20 лошадиных сил. К 1851 г. производство фабрики улучшилось — там стояла современная для своего времени техника: тонкопрядильная машина с 25524 веретёнами, со всеми приготовительными станками и с 2 паровыми машинами в 80 лошадиных сил, произведёнными Ферберном в Манчестере. В 1859 г. на фабрике работал 791 человек. Было произведено бумаги (от 10 до 40 номеров) 40000 пудов на сумму 676000 руб. серебром. Но в результате падения цен содержать такую фабрику стало невыгодно из-за неконкурентоспособности с иностранной бумагой. Один фабричный корпус вынужденно простаивал, а в другом работали только зимой и в одну смену, после же Пасхи 1860 или 1861 гг. фабрика остановилась на 6 месяцев (35). В 70-х годах XIX в. купцу Занегину в с. Красном принадлежала ещё и мельница, приносящая хозяину доход 600 руб. (36).

Устроителем же первой (в 1832 г.) бумагопрядиль-

ной фабрики в с. Красном был купец Батурич. В 1879 г. на ней вырабатывалось пряжи и ваты 18200 пудов на сумму 188400 руб. (за пуд цена колебалась от 6 до 12 руб.). Трудились на ней 2 мастера, 4 мастеровых, 151 мужчина фабричный, 90 женщин и 50 малолетних обоего пола. Из них 240 человек были из Боровского уезда и 57 — из разных губерний. Сырьё фабрики продавалось в Москве и Нижнем Новгороде, изделия — в Москве. При фабрике была устроена больница (37).

Эти фабрики были отмечены как существующие в 1859 г. Тогда же в селе, имевшем всего 36 дворов, проживали 545 мужчин и 486 женщин (38). Безусловно, что эти цифры даны с учётом работающих на фабриках. Рабочие жили при фабриках либо в бараках, либо в общежитиях, посещали близлежащую церковь и при подсчёте количества населения входили в общий список с местными сельскими жителями.

Появление в селе фабрик лёгкой промышленности повлияло на занятия местных крестьян, постепенно освобождавшихся от крепостной зависимости. Часть из них могла работать на самих фабриках, другая же, имея дома ткацкие станки, могла производить сырьё и готовым сдавать его закупщикам. Бытовая жизнь в таких крестьянских семьях была более чем скромной, а точнее, даже очень бедной. Церковный причт, на рубеже XIX—XX столетий не имевший своих домов и вынужденный ютиться в крестьянских избах, был очень недоволен тесной из-за ткацких станков обстановкой. Шум и пыль, создаваемые работой станков, мешали священно- и церковнослужителям готовиться должным образом к службе. Отмечалось, что такая обстановка вредна и для здоровья (39). Псаломщик Елисей Казанский (в 1901 г.) проживал вообще в хатке 6 аршин, отапливаемой по-курному (40).

Вряд ли что-то изменилось в быту крестьян в 1916 г. К этому времени в селе количество дворов увеличилось только до 39. Проживало в них 252 человека: 112 мужчин и 140 женщин. Один двор принадлежал священни-

ку — в нём числились двое мужчин и 2 женщины. Был, очевидно, и помещичий двор (41).

Исходя из вышеизложенного, о с. Красном можно сказать следующее. Село возникло на землях, принадлежавших князьям Московского дома. В XVII в. оно и его земли распределялись между служилыми людьми за их службу государям, позже, в XVIII в., части села (жребья) перешли в постоянное пользование помещиков, получивших право распоряжаться ими по своему усмотрению. Среди владельцев села встречаются представители разных фамилий: Юров, Патрикеев, Казаковы, Митерин, Сенявины, Дурново, Загряжские, Зембулатовы, Хитрово, Занегины, Челищевы. Из них только последних можно назвать постоянными владельцами с начала XVII в. Важными событиями, оставившими в истории села яркий след, были война 1812 г. и промышленное строительство XIX—начала XX вв. Наряду с этим, следует отметить, что история села является типичной для большинства поселений Боровского уезда и не только его.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1960. С.130. (Далее — ДДГ).

2. Прошкин О.Л. Археологическая карта Боровского района. Калуга, 1990. С.20–21.

3. Там же. С.21.

4. ДДГ. С.130.

5. Там же. С.170.

6. Там же. С.180.

7. Боровский край в истории России. Ч.1: Боровский край с древнейших времён до конца XVII в. // Сост. В.И. Осипов. Боровск, 1998. С.39.

8. ДДГ. С.194.

9. Боровская десятина. Отд.3 // Калужская старина. Калуга, 1910. Т.5. С.220–221.

10. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.16 (Приправочная книга по дозору Боровского уезда 1613 г.). Л.89об.–90, 270об.

11. Боровская десятина. С.220–221.
12. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Поместный приказ, кн.10326. (Список с писцовой книги Василия Колычева по Боровскому уезду 1629 и 1630 гг.). Л.26.
13. Там же. Л.9.
14. Там же. Л.10об.–11об.
15. Там же. Л.14об.–15об.
16. Осипов В.И. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём в 17 веке // Боровский краевед: археология, история, этнография, краеведение, музееведение. Боровск, 1990. С.58.
17. Боровская десятина. С.220–221.
18. Прошкин О.Л. Раздел «Археология» к учебно-методическому пособию «История Боровского края». Калуга, 1991. (Рукопись). Библиотека Боровского музея. №2979. С.14.
19. Глухарёв Н.П. Материалы для истории г. Боровска и его уезда. Т.2. Боровск, 1914. С.106–107.
20. РГАДА. Ф.1354. Оп.150. К-11. П.655.
21. Там же.
22. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18753. Ч.1. Л.60. №362.
23. Там же. Л.60. №363, Л.60об. №364, 365.
24. Там же. Л.60. №362.
25. Осипов В.И. На пути Наполеона был Боровск // Боровские известия. 1992. №131; Изучай родной край. Тула, 1974. Ч.1. С.61; Известия о военных действиях Российской армии против французов в 1812 году. СПб., 1813. С.120–130.
26. Осипов В.И. На пути Наполеона был Боровск.
27. Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы научной конференции, посвящённой 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С.66.
28. Там же.
29. РГАДА. Ф.1354. Оп.150. К-65. П.3151.
30. Там же. К-67. П.3151.
31. Глухарёв Н.П. Указ. соч. С.76–78.
32. РГАДА. Ф.1354. Оп.150. К-66. П.3151.
33. Там же. К-68. П.3151.
34. Там же. К-66. П.3151.
35. Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С.193–194; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Калужская губерния /

Сост. Генерального штаба подполковник М. Попроцкий. СПб., 1864. Ч.1. С.585–587. В материалах М. Попроцкого встречаются сведения не только за 1861 г., но даётся подробное описание двух фабрик господ Занегиных за 1857 г. Можно предположить, что речь в данном случае идёт не столько о двух фабриках, сколько о двух корпусах одной фабрики (см. сведения за 1861 г.). Ограничившись, таким образом, краткими сведениями о бывших в XIX в. фабриках в с. Красном, оставим вопрос их истории открытым для полного изучения исследователей.

36. Журналы IX очередного Боровского уездного земского собрания. 1873 г. Калуга, 1874. С.5.

37. Памятная книжка Калужской губернии на 1881 г. Калуга, 1881. С.109.

38. Калужская губерния: Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863. С.31.

39. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.9–9об.

40. Там же. Л.32–32об.

41. Там же. Оп.2. Д.2266. Л.20.

Н.П. ЛОШКАРЁВА

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В С. КРАСНОМ БОРОВСКОГО УЕЗДА

Церковь в Красном, словно игрушка, выполненная в натуральную величину и поставленная среди поля, поставленная умело, с любовью, поставленная так, что заставляет любого путника, оказавшегося поблизости от церкви, непременно к ней подойти и осмотреть. Стройный силуэт церкви доминирует над близлежащей окрестностью и хорошо просматривается из самого Боровска, завершая собой перспективу, открывающуюся вверх по течению Протвы.

Шиленков Ю. Ты помнишь, Алеша, дороги
Верейщины...?// Вестник «Доброй воли». 1998. №10

В клировой ведомости храма архангела Михаила за 1916 г. в сведениях об истории и строительстве сделана запись о его постройке в 1910 г. прихожанами: помещиком Иваном Васильевичем Зембулатовым с родственниками — помещиками Владимиром Дмитриевичем, Петром Дмитриевичем, Николаем Владимировичем и Владимиром Николаевичем Челищевыми (1). Эти скупые и не совсем верные, с точки зрения фактов, строки скрывают полную различных событий, в том числе интриг и сплетен, историю строительства храма...

Впервые храм архангела Михаила, деревянный с приделом Николая Чудотворца, был упомянут в 1654 г. (2). Упоминается он и в 1774 г. В этот год взамен ранее существовавшего на средства прихожан — помещиков Челищевых и Зембулатовых — был возведён новый деревянный с приделом Николая Чудотворца неотапливаемый храм. Объёмное построение его было вполне по традиционной схеме: над мощным кубическим

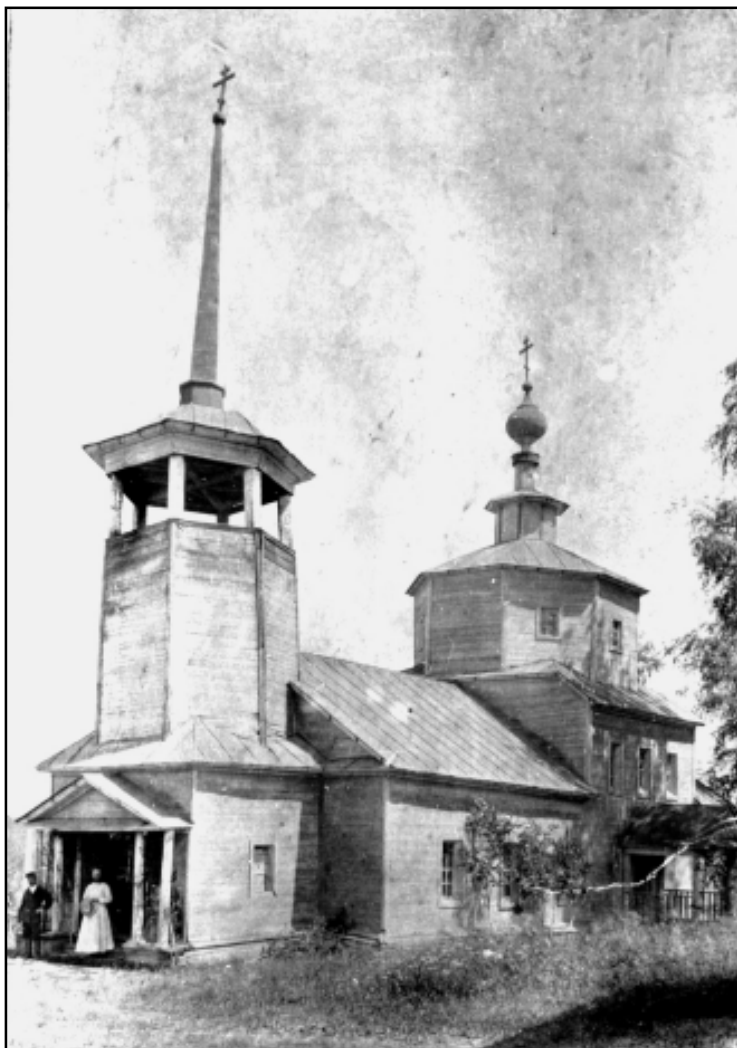
срубом четверика надстроили восьмерик, завершавшийся фонариком, с восточной стороны прирубили пятигранную апсиду, а с противоположной стороны — скромную по размерам и отделке трапезную. Последняя соединяла храм и небольшую колокольню с высоким шпилем. Всё здание обшили тёсом, а крышу покрыли железом (3).

В 1812 г. храм стал свидетелем непродолжительной (с 10 по 15 октября) оккупации Боровского уезда Великой армией Наполеона Бонапарта. Неприятель подверг его «обруганию», «истребив» престол и жертвенник. «Церковная же утварь и все святые иконы» были «соблюдены прихожанами» (4). К 1870 г. приход храма оказался малочислен и беден, в результате чего 6 октября его приписали к боровской церкви Спаса Преображения на взгорье (5).

13 июня 1896 г. Святейший Синод принял решение вернуть приходу церкви в с. Красном самостоятельность (6). Большую роль в этом сыграло прошение церковного старосты П.Д. Челищева, который, не отрицая малочисленности прихода, заявил о сумме в 20572 руб., «наращенной» за несколько лет из 3000 руб., завещанных помещиком И.В. Зембулатовым на сооружение нового храма (7). Челищев просил отчислить от указанной суммы 2% в пользу причта, а остальную часть хранить для дальнейшего «наращивания». Староста также отметил, что в храме достаточно предметов церковной утвари (8).

В связи с решением Святейшего Синода к храму архангела Михаила 6 июля 1896 г. был определён сначала псаломщик Елисей Елисеевич Казанский (9), а 23 сентября 1897 г. перемещён священник Дмитрий Алексеевич Чистяков (10).

Заявленная П.Д. Челищевым сумма на сооружение нового храма и его просьба об отчислении от неё 2% в пользу причта вызвала желание воспользоваться ею как можно быстрее, а в дальнейшем оказалась и «яблоком раздора» между прихожанами, причтом, ста-

**ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА
В С. КРАСНОМ. ФОТО 1905 Г.**

ростой и благочинным. Одним из первых, кто сделал попытку воспользоваться деньгами в личных интересах и интересах причта, стал священник Д.А. Чистяков. Не успел он появиться в селе, как 20 декабря 1897 г. от его имени, а также псаломщика Е.Е. Казанского и прихожан: коллежского советника Николая Дмитриевича Челищева, губернского секретаря Николая Николаевича Челищева, вдовы действительного статского советника Анны Дмитриевны Челищевой, коллежского регистратора Александра Николаевича Челищева и крестьян деревень Бердовки, Бутовки, Митенок и с. Красного — в адрес епископа Калужского и Боровского Макария последовала жалоба. В ней говорилось, что псаломщик храма живёт в тесной избе, занятой ткацкими станками, от которых исходит шум и пыль, что вредно для здоровья и неудобно «в религиозном и нравственном отношении», так как мешает готовиться к службе. Священник же вынужден жить без семьи (она проживает у тестя) в школе, смежной с церковной караулкой, занятой учительницей. Исходя из этого и в связи с малочисленностью (275 душ муж. пола) и бедностью прихода и причта, авторы жалобы просили выделить из оглашённого церковным старостой П.Д. Челищевым капитала 2500 руб. на строительство и отделку самых простых причтовых домов (11). Данная жалоба послужила причиной издания Калужской духовной консисторией указов: 12 января 1898 г. о постройке нового храма (12) и 31 января 1898 г. о составлении причтом и церковным старостой сметы расходов на его строительство (13). Правда, как сообщал в консисторию 16 февраля и 29 марта благочинный первого участка священник Пётр Георгиевский, церковный староста не торопился выполнять эти указы (14), считая старый деревянный храм достаточно крепким и вместительным и не видя необходимости в строительстве домов для причта (15). Новый указ консистории о начале строительства храма, последовавший 10 июля, также не был выполнен (16). Жилищный вопрос, о котором только и

шла речь в жалобе от 20 декабря 1897 г., был решён лишь частично: по сведениям клировой ведомости храма за 1901 г., священник проживал в общественном доме, построенном на средства прихожан, а псаломщику ежемесячно с 1899 г. выплачивали из церковной суммы 2 руб. квартирного пособия (17).

Священник Д.А. Чистяков, возбудив вопрос о строительстве жилья для причта, видимо, не предполагал, что он вызовет у Калужской духовной консистории в первую очередь реакцию по поводу строительства нового храма и состояния старого деревянного. Для осмотра последнего в с. Красное был командирован епархиальный архитектор Николай Викторович Сытин, прибывший туда 2 июня 1899 г. В присутствии священника Д.А. Чистякова, псаломщика Е.Е. Казанского и церковного старосты П.Д. Челищева он осмотрел деревянный храм и воочию убедился, что колокольня ветхая и её верхнюю часть необходимо снять, устроив звонницу на столбах рядом с храмом; нижние венцы храма сгнили, фундамент также стал непрочным; половые и потолочные балки в трапезной пришли в «сомнительное состояние»: они колебались в процессе ходьбы. Заключение архитектора было категоричным: с постройкой нового храма медлить нельзя (18).

Но ни в текущем году, ни в 1900, ни в 1901 и ни в 1902-м строительство нового храма так и не началось, и в духовную консисторию были направлены новые жалобы. На этот раз их автором стал псаломщик Е.Е. Казанский: 25 июля 1900 г. он писал, что храм и колокольня ветхие, колокольня заваливается на храм и грозит ежеминутным падением, в то же время «капитал Зембулатова возрос до 50000 руб. (19) можно два храма построить, а в нас и одного не могут начать...» (20); 19 марта 1901 г. он жаловался на то, что живёт с больной женой в отопливаемой по-курному хатке 6 аршин, жена да и он сам едва выносят дым, но и из этого дома его гонят. «Священник и церковный староста не только не стараются о храме Божиим, но приводят его в

запустение». Зимой храм набивался снегом, а внутри его дул ветер. В последней жалобе псаломщик возмущался, что ни один указ духовной консистории о постройке храма и причтовых домов так и не был выполнен. «Обратите внимание на бездеятельность священника и старосты» (21).

На жалобы псаломщика последовали объяснения благочинного (21 августа 1901 г.), священника и церковного старосты (2 августа). Благочинный П. Георгиевский напомнил духовной консистории, что псаломщику платили 2 руб. квартирных денег, но он их экономил и нанимал жильё на меньшую сумму, хотя на эти деньги в сельской местности можно было снять неплохую квартиру (22). Священник и церковный староста были убеждены, что деревянный храм может простоять ещё лет 10-15, тем более, что колокола сняли, облегчив её. Строительство же нового храма не начинали из-за отсутствия плана и сметы, которые должен был составить епархиальный архитектор Н.В. Сытин. Последний, в свою очередь, объяснял отсутствие плана и сметы тем, что консистория ещё не рассматривала вопрос о строительстве нового храма. Староста и священник, исходя из этого, сделали вывод о большой занятости епархиального архитектора и пригласили 8 марта гражданского инженера губернской земской управы Аркадия Аркадьевича Меньшова. Меньшов 31 мая сделал осмотр церкви и заключил договор на составление плана, сметы и руководства строительными работами. Смету и план он обещал предоставить в Калужскую духовную консисторию в конце лета 1901 г. (23). Но своё обещание губернский инженер А.А. Меньшов не выполнил. В результате 23 октября последовал приказ духовной консистории, обязывавший священника и церковного старосту поторопить инженера с исполнением и доставкой документов. В приказе также подчёркивалось, что полученный в смете остаток суммы нужно будет использовать для постройки причтовых домов (24).

Наступил 1902 г., строительство нового храма опять затягивалось. Этим воспользовались священник Д.А. Чистяков и псаломщик Е.Е. Казанский, направившие 15 мая в духовную консисторию очередную жалобу на церковного старосту. В ней они написали, что староста препятствует началу строительства нового храма и домов для причта, а также обвинили его в растрате церковного капитала (25). На защиту П.Д. Челищева встал благочинный П. Георгиевский: 26 июля он написал в консисторию, что «Челищев служит старостой более 35 лет» и очень религиозен, что лишних денег не расходовал, а просфоры и красное вино покупал на свои средства, благодаря ему церковный капитал очень быстро вырос и составил значительную сумму (при этом благочинный пояснил, что проценты отчисления шли даже с самих процентов капитала). Причину, почему замедлилось начало строительства храма, благочинный усматривал в невыполнении обещаний, данных архитектором Н.В. Сытиным и инженером А.А. Меньшовым. Правда, последний 1 июля приехал в с. Красное и сказал, что выполнит договор, а злость священника в адрес старосты благочинный объяснил тем, что староста выступил инициатором проведения следствия по поводу питья священника. В результате выявилась склонность последнего к алкоголю (26). Староста, в свою очередь держа ответ перед консисторией, объяснил появление такой жалобы скандальностью священника и подчеркнул, что дом у того есть, о чём просил опубликовать в «Калужских епархиальных ведомостях» (27).

Духовная консистория на октябрьском заседании 1902 г. решила оставить данную и прошлогодние жалобы без последствий как не подтвердившиеся, а вот инженера А.А. Меньшова обязала ускорить работу, предупредив его о негативных последствиях (28). Меньшов не заставил себя долго ждать и 20 ноября (?) сообщил духовной консистории, что проект нового храма отправил церковному старосте (29), а 30 декабря им

была составлена пояснительная записка к проекту с описанием будущего храма. Согласно записке, храм предполагался каменным с тёплой основной частью и двумя приделами: один, видимо, Николая Угодника, а второй — во имя Всех Святых. Вмещать он должен был 300-400 человек. Поставить его предполагалось за селом, в поле (поэтому генплан и не прилагался), так как там крепкий и глинистый грунт. Кладку предполагали сделать на известковом растворе, за исключением перемычек, арок, сводов, которые можно было бы сделать на цементном растворе. Отопление предполагалось голландскими печами с приточной и вытяжной вентиляцией. Общая стоимость работ по смете должна была составить 29999 руб. 14 коп. (30).

Предложенный А.А. Меньшовым проект удовлетворил причт храма, и все документы были отправлены по инстанциям, «дабы иметь возможность сделать распоряжения о заготовке материала» (31). Но строительное отделение Калужского губернского правления, рассмотрев проект, 17 февраля 1903 г. не приняло его ввиду неверного составления и несоответствия существовавшему законодательству (32), после чего 7 марта проект, пояснительную записку к нему и смету вернули А.А. Меньшову для внесения исправлений и дополнений согласно замечаниям строительного отделения, а строительный материал причту заготавливать разрешили (33).

Вновь проект храма был рассмотрен строительным отделением 14 апреля 1903 г. и на сей раз утверждён, но с условием проведения ряда расчётов для большего запаса устойчивости храма и назначения компетентного человека для наблюдения за строительством (34). Работы продолжил вести земский инженер А.А. Меньшов. Как и раньше, вёл он их медленно, и уполномоченный причтом благочинный П. Георгиевский 15 мая попросил у духовной консистории разрешения обратиться к новому компетентному лицу, каковым они считали гражданского инженера строительного отделения губернского правления статского советника Болеслава

Антоновича Савицкого, поручив ему исправление проекта храма и ведение наблюдения за его строительством (35). Разрешение, видимо, было получено.

Духовная консистория разрешила также избрать комитет по строительству храма (36). Данный комитет в мае был избран. В него вошли благочинный 1-го округа П. Георгиевский, новый священник храма Александр Румянцев, церковный староста П.Д. Челищев и прихожане храма: статский советник Николай Владимирович, Сергей Владимирович, Николай Николаевич Челищевы, священник церкви с. Беницы Иоанн Виноградов, крестьяне Андрей Павлов и Тит Тимофеев из д. Бердовка, Лаврентий Иванов из д. Митянок и Никифор Сергеевич Соколов, — а также проживавший в д. Тишинка прихожанин храма в с. Федотове фабрикант, временный московский купец, благотворитель Александр Прокопьевич Смирнов (37). Председателем строительного комитета сначала избрали П. Георгиевского (38), но после его просьбы, последовавшей 30 сентября, об освобождении от этой должности в связи с нехваткой времени и удалённостью места жительства от места строительства (39), председателем избрали 14 марта 1904 г. Н.В. Челищева (40).

Только вышеозначенный комитет стал заготавливать строительный материал (41), как 18 февраля 1904 г. на имя епископа Калужского и Боровского Вениамина от церковного старосты П.Д. Челищева и священника А. Румянцева последовало прошение о разрешении замедлить строительство храма. Объясняли они это тем, что в связи с началом русско-японской войны государственная рента с лежащих в банке капиталов упала, отчего могут быть потери сверх ренты (42). В ответ духовная консистория 13 марта отдала приказ работы всё-таки начать в текущем году, объяснив своё решение тем, что материал был закуплен и с течением времени мог прийти в негодность, а ждать, когда в стране наступит стабилизация, нельзя, так как это всё неопределённо (43).

Несмотря на данный приказ, церковный староста упорно продолжал тянуть время с началом строительства храма. В результате на него в мае в духовную консисторию последовала жалоба священника А. Румянцева, в которой тот заявил, что церковный староста препятствует строительству храма, в то время как заготовленный материал портится. Благочинный П. Георгиевский, защищая П.Д. Челищева, объяснил духовной консистории, что священник слишком торопится, а староста, обладающий большим опытом, предлагает пока заложить фундамент в выбранном им месте и накрыть его досками (44).

Видимо, объяснения благочинного возымели положительное действие, и 18 мая духовная консистория приказала отложить работы по постройке храма в 1904 г. Одновременно с этим она обязала благочинного создать комиссию из членов причта, строительного комитета, старосты и представителей от прихожан под председательством самого благочинного для выбора места под строительство храма (45). Обязательство 30 мая выполнили: губернский гражданский инженер Б.А. Савицкий, уездный исправник Сергей Петрович Масловский, члены строительного комитета и представители от прихожан осмотрели место под строительство храма и составили акт о его выборе. В акте сообщалось, что место для храма выбрано на пересечении двух дорог, которые вели от города к церкви и селу; рядом, в 50-75 саженях по прямой линии, продолжал стоять старый храм. Площадка для строительства была выбрана ровная, с глинистым и песчаным грунтом без подземных вод. Вниз от выбранной площадки шёл откос горы, у подножия которой располагалось село, а ещё ниже протекала р. Протва. Но не все члены комиссии подписались под данным актом. Отказались его подписывать священник А. Румянцев и член строительного комитета Евтихий Матвеевич Челищев. Первый объяснил это тем, что может осуществлять отвод под строительство храма только с согласия епархиального начальства, а

второй высказал мнение поставить новый храм ближе к старому (46).

Их отказ положил начало очередной волне споров, сплетен и интриг среди обитателей с. Красного. Чтобы разобраться в случившемся, Калужская духовная консистория ещё 24 мая издала указ, которым поручала благочинному П. Георгиевскому провести «дознания» (47). В ходе проведённого «дознания» были собраны объяснительные церковного старосты и прихожан. Церковный староста П.Д. Челищев в объяснительной 14 июня 1904 г. написал, что священник, желая угодить господам Челищевым, давним своим знакомым, «которые хлопотали лично от себя перед Его Преосвященством о назначении к нам в приход этого священника» (А.Румянцева. — *Н.Л.*), хочет, чтобы храм возвели близ могилы их матери, но место это неудобное, сырое и косогористое (48). Прихожанин храма Дмитрий Николаевич Челищев в объяснительной 20 июня 1904 г. в ответ на высказывания церковного старосты написал, что членом строительного комитета не состоял и не понял, при чём тут его мать, которую задел П.Д. Челищев, плана нового храма и его чертежей не видел, а священника А. Румянцева уважает и никаких претензий к нему не имеет (49). Другой прихожанин, Н.Н. Челищев, также пояснил, что не просил строить храм специально около могилы его матери, что членом строительного комитета состоит, но лично сам место строительства храма не выбирал, а выбрано оно было всеми вместе; против священника А. Румянцева также ничего не имеет (50).

Данные сведения позволяют сделать следующее предположение: наряду с осмотром местности для выбора площадки под строительство храма 30 мая, по инициативе священника А. Румянцева был проведён другой смотр местности и выбрана другая площадка. Такое предположение подкрепляется выводом благочинного, не упомянувшего акта от 30 мая, но высказавшегося об ином выборе места следующим образом:

всем членам причта и прихожанам выбранное место понравилось, так как оно красивое и от него просматривается г. Боровск, не понравилось оно инженеру Б.А. Савицкому, предложившему место выше в поле, далеко от селения, и поддержавшему его церковному старосте П.Д. Челищеву (51).

Всё происходившее вокруг предполагаемого храма, бесконечные дразги заставили прихожан быть, в конце концов, более решительными: 28 июля 1904 г. они обратились к епископу Калужскому и Боровскому Вениамину с прошением о начале строительства храма в 1904 г. (52), а 1 августа просили об этом же строительный комитет (53). Просьба их была услышана духовной консисторией, которая 3 августа издала указ, разрешавший начать строительство храма. Священника А. Румянцева за самоуправство решено было перевести в другой приход, сняв с него ответственность и обязав строительный комитет избрать на его место новое лицо (54). В связи с этим возникает ещё одно предположение: священник выступил также инициатором избрания нового строительного комитета или предложил себя на должность его председателя. Такие действия священника и констатировали как самоуправство.

Прихожане храма попытались защитить священника. Они направили епископу «приговор», составленный 5 августа, в котором просили оставить священника А. Румянцева и высказали ему благодарность за трудолюбие и умение учительствовать, а о П.Д. Челищеве отозвались нелестно, назвали его лжецом и просили разрешить новые выборы церковного старосты, а также не оправдавшего их доверия строительного комитета. Среди подписавшихся в «приговоре» прихожан были коллежский советник Николай Дмитриевич Челищев, земский начальник 1-го участка Боровского уезда Н.Н. Челищев, московский мировой судья Виктор Николаевич Челищев, председатель Боровской уездной земской управы Д.Н. Челищев, губернский секретарь Александр Николаевич Челищев (55).

Несмотря на данный «приговор», епископ Калужский и Боровский Вениамин 9 сентября всё-таки утвердил приказ духовной консистории о перемещении священника А. Румянцева на другое место и отказался удовлетворить просьбу прихожан, желавших переизбрания церковного старосты и нового строительного комитета, как не имевшую основания. Согласно приказу епископа, в храме архангела Михаила под руководством благочинного 2-го округа Боровского уезда Дмитрия Луневского в присутствии причта, церковного старосты и прихожан были проведены учёт и проверка имущества и финансов (56). В результате выяснилось, что финансовое состояние храма в порядке: из числившейся на его счетах суммы было потрачено немного на уплату денежных взносов, духовные учебные заведения и прочее (57).

После такого серьёзного разбирательства процесс строительства нового храма в с. Красном активизировался настолько, что уже в августе строительный комитет вместе с новым священником Николаем Сергеевичем Ватолиным и инженером Б.А. Савицким «учинили разбивку места» под храм (58), 16 октября отработовали о завершении бутовых работ (59), в следующем 1905 г. 22 июня начали работы по кирпичной кладке (60), продолжившейся в 1906 (61), 1907 и 1908 гг., а 8 ноября 1908 г. Б.А. Савицкий подал в Калужское губернское правление рапорт о том, что строительство храма почти завершилось: осталось его оштукатурить, сделать отопление и установить иконостас (62).

Правда, за такой большой период в составе строительного комитета и не только его произошли серьёзные изменения. В первую очередь они были связаны со смертью церковного старосты П.Д. Челищева 11 апреля 1908 г. (63). Вместо него был избран Н.В. Челищев, прежде являвшийся председателем и казначеем строительного комитета. Соответственно на его место 21 мая единогласно избрали Сергея Владимировича Челищева, но благочинный П. Георгиевский отказался утвер-

дить его в этой должности, что, по мнению Сергея Владимировича, объяснялось, большой антипатией благочинного к П.Д. Челищеву, а также и к Николаю Владимировичу и самому Сергею Владимировичу Челищевым (64). Тем не менее, духовная консистория утвердила обоих, о чём свидетельствует запись в её журнале от 31 июля (65). Произошли изменения и в штатном составе клира. В 1908 г. при храме значился другой священник — Сергей Розанов (66).

Новый председатель строительного комитета С.В. Челищев предложил внести изменения в обустройство интерьера нового храма: вместо трёх престолов, предполагавшихся ранее, оставить только два: в честь архангела Михаила и Николая Чудотворца, — а на освободившейся площади третьего престола во имя Всех Святых поставить большое распятие чёрного дерева, под ним расположить плащаницу и столик-аналой для поминовения усопших (67). Предложение его было подержано прихожанами, а 21 июля 1910 г. утверждено епископом Калужским и Боровским Вениамином (68). В этом же году работы по строительству храма были завершены: 9 ноября его освидетельствовали епархиальный архитектор Н.В. Сытин и гражданский инженер А.А. Меньшов (69), 13 ноября губернский архитектор А. Яковлев (70), командированный в с. Красное по заявлению священника С. Розанова (71). Архитектор А. Яковлев в присутствии священника С. Розанова, помощника церковного старосты и члена строительного комитета боровского мещанина Никифора Соколова, сельского старосты Сергея Одинокова, членов строительного комитета крестьян Андрея Павлова, Тита Тимофеева и Лаврентия Иванова, понятых крестьян села Ивана Владимировича Булочкина и Егора Алексеевича Каменского составил 13 ноября акт, в котором записал, что храм возвели каменным двухпрестольным шестиглавым с колокольней, полностью установили иконостас в приделе Николая Чудотворца, а главный храмовый в честь архангела Михаила ещё находился в ста-

дии монтажа. При осмотре нового храма не обнаружилось никаких трещин: ни в сводах, ни в арках, ни в стенах. Отсутствовавший проект плана на постройку храма был компенсирован предоставленными рабочими чертежами. Осмотр позволил губернскому архитектору сделать вывод: «Я нахожу, что постройка церкви и колокольни произведена вполне удовлетворительно и прочно, а потому может быть открыта для производства в ней богослужений» (72). 20 декабря 1910 г. произвели страховую оценку храма. Она составила 28000 руб. В оценку вошли: каменная церковь, крытая железом, окрашенным в оранжевую краску, внутри оштукатуренная. Длина церкви, считая и колокольню, 50 аршин, ширина 18 аршин, высота до верхнего карниза 25 аршин; на церкви 8 глав; в ней нижних окон 12, верхних — 4; нижние с двойными рамами, верхние — с одной; наружных дверей 4: три деревянные, а четвёртая обита железом; внутренних дверей 3. Двери как наружные, так и внутренние все створчатые — двухпольные. Иконостасов два: в главном храме иконостас высотой 10 аршин, шириною 12 аршин оценён в 4200 руб.; в приделе иконостас высотой 9 аршин, шириною 9 аршин оценён в 1800 руб. Отапливался храм центрально-воздушной печью. В 1910 г. построена в три яруса колокольня высотой до верхнего карниза 46 аршин (73).

Наконец, 1 июля 1911 г. состоялось освящение главного престола храма архангела Михаила, которое совершил настоятель Пафнутьева монастыря архимандрит Венедикт (74), придел Николая Чудотворца был освящён ещё 4 декабря 1910 г. благочинным П. Георгиевским (75).

Перед тем, как свершиться освящению главного престола храма, на колокольню должны были поднять новый колокол весом около 300 пудов. Деньги на него сначала в 1905 г. пожертвовал П.Д. Челищев (сумма составляла 1272 руб. 25 коп.) (76), потом в 1908 г. его жена Анна Алексеевна Челищева (1300 руб. и билет Государственной Комиссии поимённых долгов

**ЦАРСКИЕ ВРАТА ИЗ ЦЕРКВИ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА
В С. КРАСНОМ. ФОТО 1950-Х ГОДОВ**

на 200 руб.) (77). Проценты с суммы А.А. Челищевой причт должен был использовать на поминовение раба Божия Петра и рабы Божией Анны (78), благодаря же остальной сумме и процентов с неё к 31 января 1909 г. было накоплено 2738 руб. 93 коп. Эти деньги епископ Калужский и Боровский Вениамин и разрешил использовать для покупки колокола (79). Новый колокол должны были доставить в с. Красное из Москвы через ст. Балабаново, о чём 1 апреля 1911 г. строительный комитет просил разрешения у духовной консистории (80). Был ли доставлен колокол к месту назначения, выявленные документы не сообщают. Возьмём на себя смелость предположить, что всё завершилось благополучно и он занял достойное место среди уже имевшихся колоколов.

В связи с постройкой каменного храма архангела Михаила духовная консистория и епископ Калужский и Боровский Александр, выполняя просьбу благочинного П. Георгиевского, 3 января 1911 г. постановили наградить С.В. и Н.В. Челищевых за заслуги перед Церковью, выдав им установленные свидетельства и опубликовав об этом в местном церковно-общественном вестнике, а священника С. Розанова наградить набедренником (81).

Казалось бы, новый храм в с. Красном построили, награды раздали, но проблемный денежный вопрос вновь всплыл на поверхность. Вызвано это было, очевидно, суммой в 253 руб. 22 коп., оставшейся от строительства храма и причтовых домов и присланной ранее 24 октября 1914 г. С.В. Челищеву (82). Последний от имени прихожан и строительного комитета 18 декабря 1914 г. в адрес епископа Калужского и Боровского Георгия направил очень эмоциональный и путанный по содержанию рапорт. В нём он написал, что не видел приходо-расходные книги, и куда пошли завещанные на строительство храма деньги — неизвестно. По его мнению, священник и староста сами распорядились деньгами, ни с кем не советовались: накупили

**ЦЕРКОВЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА
В С. КРАСНОМ. ФОТО 1950-х ГОДОВ**

массу ненужных дорогих вещей. Челищев возмущался и тем, что во вновь построенном храме обваливается штукатурка, не сделан дренаж и не действует центральное отопление, так как печь заливают грунтовые воды, нет ограды. При этом в ходе строительства было истрачено до 80 тыс. руб. «Но куда и на что истрачены?.. Горько! Ведь это мой дед, отец и дядя собрали из грошей 68000 рублей на каменный храм, да ещё пожертвовали до 10000 рублей». Челищев просил Святейший Синод провести следствие (83).

Сведений о том, имел ли данный рапорт продолжение, в просмотренных делах найдено не было, а весь изложенный выше материал позволяет сделать следу-

ющие выводы. Храм архангела Михаила был построен, в первую очередь, на деньги И.В. Зембулатова, якобы специально для этого и завещанные. Благодаря же умелым действиям, упорству и целеустремленности церковного старосты П.Д. Челищева капитал И.В. Зембулатова из 3000 руб. возрос до суммы, которая позволяла не ограничиваться в желаемых размерах, архитектурных достоинствах и убранстве предполагавшегося храма.

В 1902 г. губернский инженер А.А. Меньшов рассчитал общую стоимость работ — она составила 29999 руб. 14 коп. Строить же храм начали в 1904 г. Как изменилась сумма в это время, сказать невозможно из-за отсутствия на данный момент каких-либо сведений. Страховая сумма построенного храма с иконостасом на 20 декабря 1910 г. составила 28000 руб.

Авторами проекта нового храма архангела Михаила стали гражданский инженер губернской земской управы А.А. Меньшов, который составил план нового храма, и гражданский инженер строительного отделения губернского правления статский советник Б.А. Савицкий, который внёс изменения в план проектируемого храма и вёл наблюдение за его строительством. Храм был возведён в псевдорусском стиле, характерном для этого периода.

Таким образом, благодаря капиталу И.В. Зембулатова, желанию церковного старосты П.Д. Челищева и его последователей построить достойный храм, а также таланту гражданских инженеров А.А. Меньшова и Б.А. Савицкого над с. Красным и окрестностями г. Боровска вознёсся необыкновенно стройный и красивый храм во имя архангела Михаила.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.33. Оп.2. Д.2266. Л.13, 14.

2. Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории, ар-

хеологии и статистики церковей Боровского уезда с пригороды. Калуга, 1898. С.52.

3. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.115.

4. Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы научной конференции, посвящённой 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С.66.

5. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.9–10об.

6. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115; Оп.3. Д.2003. Л.2а–3а.

7. В указе Святейшего Правительствующего Синода от 13 июня 1896 г. сказано, что подлинного завещания И.В. Зембулатова не найдено. См.: ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.2а–3а.

8. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.115; Оп.3. Д.2003. Л.2а–3а.

9. Псаломщик Елисей Елисеевич Казанский, 30 лет, окончил курс двухклассного образцового Спас-Деменского училища, ранее исправлял должность псаломщика в церкви с. Горное Мещовского уезда, откуда и был определён к церкви с. Красное с окладом в 100 руб. (ГАКО. Оп.2. Д.1345. Л.117об.; Д.1399. Л.129; Оп.3. Д.2003. Л.2а–3а).

10. Священник Дмитрий Алексеевич Чистяков родился 10 октября 1867 г. в семье священника с. Ворсина, 22 июня 1889 г. окончил Калужскую духовную семинарию со свидетельством 2-го разряда, после чего с 15 сентября 1890 г. работал учителем Ворсинской церковноприходской школы. 22 ноября 1892 г. его рукоположили во священника церкви с. Фоминичи Жиздринского уезда, откуда и переместили к церкви с. Красное. 22 ноября 1897 г. его назначили законоучителем Красносельской земской школы. Ему положили оклад в 300 руб. (ГАКО. Оп.2. Д.1345. Л.116об; Д.1399. Л.128; Оп.3. Д.2003. Л.2а–3а).

11. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.9–10об.

12. Там же. Л.7а–7аоб.

13. Там же. Л.15.

14. Там же. Л.6а, 15–15об.

15. Там же. Л.7а–7аоб., 13–14об.

16. Там же. Л.36–37.

17. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115об., 116об.

18. Там же. Оп.3. Д.2003. Л.19–19об.

19. Точно не установлено, имел ли капитал И.В. Зембулатова свой счёт в банке, или его сумма являлась составной частью церковного капитала. Клировая ведомость за 1901 г. свидетельствует, что церковная сумма увеличилась в 1901 г. в билетах до 47860 руб. 9 коп. и 5 руб. 7 коп. наличными. Наряду с этим отмечалось скудное содержание причта из-за малочисленности и бедности прихожан. В этой же кли-

ровой ведомости приведены были следующие сведения: храму принадлежала крытая под щепку сторожка, 33 десятины суглинистой земли, отмежёванной чересполосно и заключённой в 3 неравных клинах, из которых церковью и кладбищем было занято 1/2 десятины усадебной и 1 1/2 десятины пахотной земли; 27 десятин 1212 кв. саж., за исключением 2-3 десятин, пахотной земли были запущены под облоги; 1 1/2 десятина занята сенокосной землёй, 2 1/2 десятины поросли мелким кустарником (ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.115об., 116об.).

20. ГАКО Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.24–24об.

21. Там же. Л.32–32об.

22. Там же. Л.38–38об.

23. Там же. Л.36–37.

24. Там же. Л.40–43.

25. Там же. Л.52–53.

26. Там же.

27. Там же. Л.54–57об.

28. Там же. Л.59об.–60.

29. Там же. Л.61.

30. Там же. Л.90; Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.3, 7–8.

31. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.63.

32. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.4.

33. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.73–74об.

34. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.9–9об.

35. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.86.

36. Там же. Л.92–92об.

37. Там же. Л.79–80, 84–85.

38. Там же.

39. П. Георгиевский предложил на своё место назначить П.Д. Челищева (ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.99–99об.).

40. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.108, 100–100об.

41. Опись заготовленного материала для постройки нового храма (на 9 февраля 1904 г.). Составлена священником А. Румянцевым (ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.104).

название материала	его стоимость
--------------------	---------------

150 тыс. кирпича по 12 руб. за тысячу	1800 руб.
---------------------------------------	-----------

300 саж. осинового дров	
-------------------------	--

[неразборчиво. – Н.Л.] по 3 руб. 50 коп., с доставкой	1500 руб.
--	-----------

50 саж. дров 3-х поленных по 8 руб.	
-------------------------------------	--

для обжига кирпича, с доставкой	400 руб.
---------------------------------	----------

500 обрешеченных осинового досок по 40 коп.,	
--	--

с доставкой	245 руб.
-------------	----------

1000 обрезных тесин по 24 коп., с доставкой	240 руб.
60 дерев. 7 арш. по 47 коп., с доставкой	28 руб. 20 коп.
130 дерев. 9 арш. по 78 коп., с доставкой	101 руб. 40 коп.
80 дерев. 12 арш. по 1 руб. 78 коп., с доставкой	142 руб. 40 коп.
80 кубов камня по 18 руб. за куб	1440 руб.
20 кубов песка по 4 руб. 50 коп. за куб	90 руб.
500 пудов затворено извести в яме по 15 коп. пуд	75 руб.
Итого	6062 руб.

42. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.102–102об.

43. Там же. Л.106–106об.

44. Там же. Л.110–112.

45. Там же. Л.126.

46. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.10–12об.

47. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.169–176об.

48. Там же. Л.177–179об.

49. Там же. Л.189–189об.

50. Там же. Л.190–190об.

51. Там же. Л.136–137об.

52. Там же. Л.133–133об.

53. Там же. Л.156–157об.

54. Там же. Л.158–159.

55. Там же. Л.160–161об.

56. Там же. Л.198–198об.

57. Там же. Л.207–212об.

58. Там же. Л.203.

59. Там же. Л.217.

60. Там же. Л.232; Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.15.

61. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.16.

62. Там же. Л.17.

63. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.253–254об. В данном обращении статского советника С.В. Челищева к епископу Калужскому и Боровскому говорится и о том, что старостами церкви были несколько представителей рода Челищевых. Благодаря им капитал И.В. Зембулатова возрос до 60000 руб. Дядя его, П.Д. Челищев, был старостой почти 40 лет и скончался, не достроив один ярус колокольни.

64. Там же. Л.253–254об., 257–257об.

65. Там же. Л.260–261.

66. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.17.

67. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.275–275об.

68. Там же. Л.279–279об.

69. Там же. Л.282.

70. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.21.

71. Там же. Л.20.

72. Там же. Л.23–23об., 24–25, 32–33; Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.284–285. Строительный комитет во главе с С.В. Челищевым всё же сделал попытку вернуть общий план постройки (чем закончилась эта попытка, неизвестно), и обратился 8 января 1911 г. к калужскому губернатору со следующими словами: «Ввиду крайней и настоятельной необходимости иметь план воздвигаемого храма, строительный комитет имеет честь покорнейше просить ваше сиятельство, признаете ли Вы возможным понудить г. Савицкого выдать задерживаемый им план храма, а в крайнем случае обязать его ... составить таковой вновь, без особого за то вознаграждения ...» (ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.32–33).

73. Российский государственный исторический архив. Ф.799. Оп.33. Д.543. Л.57. Вместе с вновь построенным храмом продолжал стоять деревянный 1774 г. На 3 августа 1910 г. его страховая оценка составляла 4100 руб. В связи с заявлением от 31 декабря 1910 г. страховой договор расторгли, и старый храм предложили разобрать. Забегая вперёд, следует сказать, что в 1917 г. старый храм ещё продолжал стоять (ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.2266. Л.13, 14).

74. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.303.

75. Там же. Л.289.

76. Там же. Л.222.

77. Там же. Л.265–266.

78. Там же.

79. Там же. Л.272–272об.

80. Там же. Л.295–296.

81. Там же. Л.293–294.

82. Там же. Л.313, 315об., 320–320об.

83. Там же. Л.328–329.

От редакции: В сокращённом варианте статья была опубликована: Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.124–128.

В.И. ОСИПОВ

**БОРОВСКАЯ ДРАМА:
ОТ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЧАСОВНИ
К ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ**

На протяжении XVIII–XIX вв. старообрядцы г. Боровска старались при всех государственных и синодальных запретах иметь и содержать часовни или молельни для совершения треб (1). Судьба боровской часовни, построенной старообрядцами в первом десятилетии XIX в., как на ладони показывает изменчивую внутреннюю политику государства и Синода в первой половине XIX в. События 1812 г. и либеральная политика Александра I в первые десятилетия XIX в. позволили боровским старообрядцам (по Рогожскому кладбищу) не только построить часовню, но её легализовать и переоборудовать под храм. Не поняв изменившуюся политику при Николае I, они пытались узаконить храм, что не входило в русло официальной политики государства и Синода. В результате этого старообрядческий храм был отобран и передан небольшой группе старообрядцев, перешедших для этой цели в единоверие.

Либеральная политика Александра I в отношении к старообрядческому населению всё-таки имела полицейско-охранительный характер. Так, 26 августа 1811 г. из Особенной канцелярии министра полиции был разослан по губерниям секретный циркуляр за №3 «О старообрядцах» за подписью министра полиции А.Д. Балашова: «По случаю вступивших ко мне от некоторых из гг. гражданских губернаторов представлений о находящихся во вверенных им губерниях старообрядцах, я почитаю нужным иметь сведения, сколько в управляемой вами губернии таковых людей, и буде есть, представить мне верную им ведомость с подробным означением имени каждого и каких именно обрядов они придерживаются, дабы из подобных сведений

узнать можно было, умножается ли число оных или нет. На будущее же время, Ваше превосходительство, не оставите сведения о всех таковых людях представлять Министерству ежегодно 2 раза, и именно к 1 генваря и к 1 июля каждого года» (2).

В разосланном 12 сентября 1811 г. дополнении к циркуляру подчёркивалось, что необходимо «предписать чиновникам, чрез коих будете собирать требуемые известия, чтобы они делали то под рукою, отнюдь не причиняя никакого притеснения или неудовольствия жителям», и специально оговаривалось, что при «неудобстве» для старообрядцев поимённой переписи достаточно в специальной описи просто указывать количество мужчин и женщин (3). После вступления на престол Николая I указом от 23 июля 1826 г. все дела и сведения о старообрядцах всей империи были переданы во вновь учреждённое III отделение собственной его императорского величества канцелярии, в Комитет министров и в особый Секретный комитет. Политика в отношении старообрядцев ужесточилась. Тем не менее, количество официальных старообрядцев, проживающих в Боровске и уезде, продолжало оставаться без изменения (см. таблицу). Благодаря их усилиям и был построен (или перестроен из часовни) первый в Боровске старообрядческий храм.

Строительство старообрядческой часовни в Боровске имеет свою предысторию. Ещё в начале 1800 г. боровские старообрядцы поставили на кладбище памятник, похожий на часовню. Это вызвало отрицательную реакцию в Калужской духовной консистории. Началось расследование (4). 22 июня 1800 г. епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов) сообщал в канцелярию губернатора, что по сведениям Боровского духовного правления в Борисоглебском приходе Боровска на кладбище строится каменная часовня. Духовное правление просило городничего Уварова узнать, с чьего позволения идёт это строительство. Уваров письменно ответил, что направленные на кладбище для

**Количество старообрядцев, проживающих
в г. Боровске и уезде в первой половине XIX в.**

Год	Боровский уезд (чел.)			Источник
	Город	Уезд	Итого	
1819	639	2005	2644	Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.32. Оп.19. Д.1204. Л.1, 12–17. 28–47, 225.
1820	702	2044	2746	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1216. Л.2. Л.17–27, 64–80, 129, 192, 217.
1821	763	2044	2807	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1217. Л.43, 143–173.
1823	777	2972	3749	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1307. Л.238–239.
1826	1009	1327	2336	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1442. Л.120–129.
1857	994	1372	2366	Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Калужская губерния / Составил Генерального штаба подполковник М. Попроцкий. Ч.1. СПб., 1864. №267–270, 278–281.

расспроса рабочих люди их на месте не застали, «да и дознаться по отдалённости кладбища от жилья не было возможности». Епископ Феофилакт просит губернское правление выяснить этот вопрос и запретить строить часовню (5). Оказалось, что боровчане Гаврила Петрович Кекишев, Иван Лукич Щукин на кладбище на могиле родителей поставили вместо старого деревянного голубца новый каменный на четырёх столбах. При его осмотре оказалось, что входить можно в голубец спокойно и он не походит на часовню, так как «часов-

ни бывают таковые, что в них окна и запертые двери и поставляются святые образа» (6).

Городничий Ларион Уваров и бургомистр Тимофей Щукин сообщали 28 июня 1800 г. в Калужское губернское правление, что ничего предосудительного не видят в построении каменной палатки на могиле родителей, и направляли в канцелярию чертежи, чтобы там сами решили, запрещать или нет строительство (7). Спорная постройка представляла собой простой памятник на четырёх столбах вышиной 3,5 аршина с промежуток между столбами в квадратную сажень и с оградкой между ними высотой в аршин; внутри на могилах лежали два камня, а посреди них стоял крест (8). Тем не менее 1 августа 1800 г. из Калужской духовной консистории последовала резолюция епископа Феофилакта «приказать чрез кого следует каменное строение на кладбище яко самовольно начатое и больше похоже на часовню нежели на памятник умершей... уничтожить и о последующем уведомить» (9). Памятник, судя по всему, был разобран, так как в последующих документах консистории сведений о нём нет (10).

Интересный комплекс материалов сохранился по строительству и сохранению часовни в Боровске за 1812—1817 гг. (11). Во время пребывания в Боровске войск Наполеона многие храмы города были сожжены и разорены, священнослужители оказались без крова и пропитания. 15 июня 1813 г. боровскими священниками было подано прошение архиепископу Рязанскому и Зарайскому Феофилакту (12) о том, что они не имеют средств к пропитанию. В прошении сообщалось, что «большая часть из лучших наших прихожан, от которых имели мы именно пропитание, удалясь от церкви, соединили секту и постановили, по разорении города, вновь в городе Боровске каменную часовню, которая также строится якобы по каковому-либо дозволению начальства; но мы на сие никакого предписания не имеем» (13). Под прошением подписались: Борисоглебской церкви священник Алексей Иаковлев,

дьякон Иоанн Афанасьев, пономарь Александр Григорьев; Троицкой церкви священник Иоанн Артемьев; Рождественской церкви священник Иоанн Гаврилов, дьякон Никита Иларионов; Успенской церкви священник Харлампий Гаврилов, дьячок Матвей Васильев; Преображения Господня, что на взгорье, церкви священник Гавриил Семёнов, дьячок Алексей Семёнов (14).

30 июня 1813 г. епископ Феофилакт предписал Калужской духовной консистории рассмотреть прошения боровских священников о помощи, «а как священно и церковнослужители в просьбе своей прописали ... то обстоятельство сие предоставляю рассмотрению консистории, с тем чтобы о последствиях было донесено и Святейшему Синоду» (15).

12 июля 1813 г. из Калужской духовной консистории был послан указ в Боровское духовное правление об отказе священникам в материальной помощи, но с требованием от них письменных объяснений о строящейся старообрядцами часовне. 21 июля 1813 г. объяснение, составленное священником И. Артемьевым, было отправлено в Калугу: «кто именно строит в Боровске новую каменную часовню и чьих церковей они прихожане, он, священник Артемьев, не знает, а только видел, что для оной часовни на торговой площади закупал материал для постройки и отправлял к оной часовне боровский купец Семен Панфилов Санин — из числа людей оной секты, в приходе же он значится при Успенской градской церкви, часовня же сия состоит в Борисоглебском приходе, а между тем он, священник Артемьев, знает, что из прихода его нижеследующие записались в оную секту: купчиха вдова Авдотья Ивановна Тамилина с семейством; боровские купцы: 1-й Максим Дмитриев Глухарёв, 2-й Иван Федоров Безсчастнов с женою; мещане: 1-й Яков Васильев Глухарёв с женою, купец Хрысанф Федоров Голофтеев с семейством. Сверх сего, он, священник, замечает, что по примеру поступивших в секту и другие многие прихожане приклоняются на одну с ними сторону, что видно

из нехождения их в церковь» (16). Аналогично выглядела объяснительная священника церкви Преображения, что на взгорье, Гавриила Семёнова от 17 июля 1813 г.: «... знаю, что точно в Борисоглебском приходе отстраивается показанная каменная часовня, а кто оной строитель, того показать за отдаленностью моею чрез три прихода: Преображения Господня, что на торговой площади, которая причислена к Благовещенскому собору, равно и оного собора, а потом за рекою Протвой Троицкой, — а в четвертом Борисоглебском приходе, не знаю» (17). 21 июля священник Борисоглебской церкви Алексей Виноградов письменно показывал, что часовня строится и на ней «уже и купол совершается. Строеие же оной часовни производят от всей секты обществом», в том числе и прихожане, числящиеся в Борисоглебском приходе: купцы Семён Гаврилович Молчанов, Алексей Лукич Скрыпов, Макар Васильевич Молчанов, Иван Прокопьевич Пашутин, вдова Наталья Гавриловна Пашутина и Лука Павлович Карнеев с семействами (18). Под словами священника Алексея Виноградова подписались священник Рождественской церкви Иван Гаврилов и священник Успенской церкви Харлампий Гаврилов и приложили списки старообрядцев из своих приходоов. В реестре по Борисоглебскому приходу у старообрядцев значатся 25 дворов, 134 человека (58 мужчин и 76 женщин); в Рождественском приходе — 29 человек (14 мужчин и 15 женщин); в Успенском приходе — 9 дворов, 38 человек (15 мужчин и 23 женщины) (19). В списке указаны потомственные боровские семьи Щукиных, Капыриных, Молчановых, Ждановых, Саниных, Провоторовых, Третьяковых.

Со строительством старообрядческой часовни Синод смириться не мог. 25 июля 1813 г. из Синода был послан указ в Калужскую духовную консисторию о необходимости уничтожения самовольно построенной часовни (20).

На 3 года дело по неизвестным причинам теряет актуальность и о старообрядческой часовне нет сведе-

ний. 6 октября 1816 г. епископу Калужскому и Боровскому Антонию (Соколову) вновь подаётся рапорт из Боровского духовного правления о том, что священники «боровских церквей не имеют полных причтов по причине бедного содержания, происходящего от раскольнической секты, умножающейся от оной часовни», а при часовне живёт и исполняет требы беглый священник. 13 октября 1816 г. Калужская духовная консистория спешит уведомить о боровской часовне губернское правление и ставит перед ним вопрос, чтоб часовня «безотлагательно времени была разобрана» (21).

17 октября 1816 г. епископ Антоний подаёт отношение губернатору Н.К. Омеляненко, о том, что в Боровске существует каменное здание часовни с куполом и крестом. Требы в часовне исправляет беглый священник. Епископ настойчиво просит принять меры к ликвидации часовни (22). Через несколько месяцев, 7 января 1817 г., епископ Антоний вторично обращается к губернатору с той же просьбой (23).

Как видим, епископ Антоний взял дело о боровской часовне под свой контроль. Но из рапорта священника Борисоглебской церкви Алексея Виноградова от 17 января 1817 г. видно, что часовня стоит, в ней по-прежнему совершается служба беглым попом и «к сей раскольнической секте со дня на день боровские жители более и более прислоняются и число оных раскольников умножается» (24). 7 и 9 марта 1817 г. священник А. Виноградов подаёт два рапорта епископу Антонию. В первом говорится о старообрядческом священнике, который совершает требы, и слышится тревога, так как «оный священник умершие тела из оной часовни провозать и погребать на кладбище ныне начал явным образом» (25). Во втором обращается внимание не только на действующую часовню, но и на то, что при ней уже построили дом для беглого священника и 4 дома для беглых женщин («малиниц»), а к самой часовни пристраивают деревянный придел (26).

Епископ Антоний не мог не отреагировать на ра-

порты боровских приходских священников. В апреле 1817 г. он пишет губернатору третье письмо с просьбой принять срочные меры против часовни (27). В четвертом письме от 17 мая 1817 г. звучит тревога, что часовня не уничтожена, и вновь содержится просьба о немедленном её закрытии (28). Гражданские власти не торопились, поэтому 5 июля 1817 г. священник А. Виноградов вновь подаёт рапорт епископу Антонию (29), а епископ снова обращается к губернатору (30). 2 июля 1817 г. губернатор Н.К. Омеляненко отправляет письмо за №4634 епископу Антонию о принятых им мерах и соответствующих предписаниях боровскому городничему. Приводим письмо полностью:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

По почтеннейшим отношениям Вашего Преосвященства, которыми настоятельно изволите требовать об уничтожении в городе Боровске раскольнической часовни, я требовал от боровского городничего сведения, кто дозволил устроить сказанную часовню, равно дом беглому священнику и четыре дома для беглых женщин раскольнических? Он доносит, что часовни раскольнической в Боровске вовсе нет, а есть часовня старообрядческая, которая выстроена взамен существующей прежде бывшими в двойном окладе старообрядцами в согласность часовни Рогожского кладбища, в гор. Москве находящейся, которая и по ведомостям о старообрядцах и раскольниках, Министерству полиции отправленных, показана; пристройка же, сделанная к часовне, не есть придел церковный, а изба для сторожа, дома для священника их нигде в целом городе не выстроено, а когда приезжает из Москвы с Рогожского кладбища, имеет пребывание для отправления служб по их обряду у тех же боровских старообрядцев, четыре избы, а не четыре дома, выстроены близ часовни на дворе для самых старых и бедных вдов, не могущих работать, которые кормятся подаванием и которые почти все боровские и частью из уездов, но имеют виды;

наконец заключает, что служба в часовне продолжается, как и прежде, но чтоб увеличилось число старообрядцев, того не видно.

В последнюю бытность мою в минувшем июне месяце в Боровске я сам осматривал часовню и находящиеся в ней строения: часовня сия каменная, не что иное, как храм моления по обрядам старообрядцев. Строение же при ней: одна большая деревянная комната, вновь к часовне пристроенная, в коей ещё тогда никто не жил, и четыре деревянных избы для престарелых женщин, каких я там нашёл шесть. Об основании часовни, по давнему оной учреждению, я не мог отыскать никакого положения, а теперь существующая выстроена в 1809 году, а по разорении города Боровска в 1812 году только обновлённая, прежде же была деревянная. Взяв в соображение вышеприведённые обстоятельства и Указ Правительствующего Синода 22 марта 1800 г., коим строго запрещено входить в сыски а паче в истязание, а наиболее держась силы Высочайшего именного данного в 8 день декабря прошлого 1816 года Херсонскому военному губернатору о духоборцах, я не осмелился сам собою приступить к уничтожению часовни в Боровске, а испрашиваю на сие разрешение от господина С.-Петербургского военного генерал-губернатора, управляющего и Министерством полиции, к которому 18 сего месяца и взнёс представление, дополнив, что по слухам, до меня дошедшим, боровские старообрядцы, коих по последним сведениям в граде считается 282 мужского и 332 женского пола душ, приискивают для себя священника.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства

Покорнейшим слугою Никита Омеляненко» (31).

29 июля 1817 г. епископ Антоний, не получив поддержки от светских властей, направляет рапорт в Синод. В рапорте он приводит сведения о часовне, сообщённые священником А. Виноградовым и губернато-

ром Н.К. Омеляненко. Он указывает, что перечисленные губернатором указы не в его компетенции рассматривать, но просит о закрытии часовни, так как более половины жителей тайно являются её приверженцами (32). Этот рапорт в Синод оказал противоположное действие на губернатора. 24 января 1818 г. он отправляет секретное письмо к епископу Антонию:

«Секретно.

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!

После отношения моего к Вашему Преосвященству от 23 июля 1817 года №4634, я получил от господина С.-Петербургского военного генерал-губернатора, управляющего и Министерством полиции, от 9 числа сего месяца №151 предписание, что Его Высокопревосходительство по предмету часовни, построенной в Боровске, входил с запискою в Комитет господ министров, который из неоднократных Высочайших повелений насчёт учреждения раскольнических часовен, усмотрел, что правительство, не позволяя явным образом учреждать оные, терпело, однако же, всегда существование их и что сие подтверждено весьма не давним примером, а потому полагает: часовню в городе Боровске, как издавна существующую, оставить в настоящем состоянии, но вместе с тем подтвердить местным начальством о строжайшем наблюдении, дабы вновь таковые заведения отнюдь не были учреждаемы.

Извещая о сём — честь имею быть с истинным почтением и преданностию Вашего Преосвященства

Покорнейшим слугой Никита Омеляненко» (33).

Указом Сената от 1 декабря 1818 г. за №1700 дано было знать в Калужское губернское правление, а последним в Калужскую духовную консисторию, что «раскольничьи часовни и богадельни, находящиеся в городе Боровске, оставить в настоящем положении, и при том подтверждено о строжайшем наблюдении, дабы вновь таковые заведения не были учреждаемы» (34). Ещё ранее, 22 декабря 1817 г., постановлением Коми-

тета министров было разрешено «часовни в городах Чугуеве и Боровске, также и богадельные дома в Саратове, как издавна существующие, оставить в настоящем состоянии, уничтожив только главу в часовне в Чугуеве» (35).

По отчётам полиции каменная часовня в Боровске упоминается в 1821 г. (36).

В 1826 г. в Калужской губернии были собраны сведения обо всех молельнях, часовнях по уездам (37). Боровский городничий в своём отчёте доносил: «в городе Боровске находится старообрядческая часовня одна, прочих же моленных не имеется» (38). В Боровском уезде имелись 4 моленные (39). Одна, беспоповцев-федосеевцев, располагалась в д. Коряково, при ней проживало 9 мужчин и 20 женщин. К этой моленной принадлежала ещё одна, расположенная в Высоковской слободе, там проживало 6 мужчин и 1 женщина. Третья и четвёртая моленные находились в вотчине графа Румянцева в д. Чуриковой и с. Тарутино; их посещало 909 человек разных сословий (370 мужчин и 539 женщин) и 430 помещичьих крестьян (150 мужчин и 280 женщин).

Исследователь калужского старообрядчества И. Тихомиров, ссылаясь на документы 1828 г., считает, что боровская часовня была одной из самых старых в Калужской губернии. Боровский исправник кн. Гинглят в своём отношении в Боровское духовное правление в 1828 г. по делу о совершении в ней богослужения отмечал законность её существования. По его описанию, часовня представляла собой церковь: имела купол и главы. Внутри всё было как в храме: алтарь с царскими вратами, престол, жертвенник. В алтаре стоял престол; за столом — деревянный крест, по правую сторону его — двусторонняя икона с образом Пресвятой Богородицы и преподобного Пафнутия; по левую сторону — двусторонняя икона с образом Смоленской иконы Богородицы и Николы Чудотворца. Иконостас столярной работы, местами с колонками, окрашенный синей ла-

кированной краской. В иконостасе царские двери столлярной работы с иконами Благовещения Пресвятой Богородицы и четырёх евангелистов. Над царскими вратами вверху — образ Господа Вседержителя, в середине — Живоначальной Троицы. Иконы в иконостасе располагались в пять ярусов. Было два клироса с иконостасами и хоругвями, на стенах иконы. Подсвечников находилось в достаточном количестве, имелись паникадило, люстра, было много священнических облачений, церковных сосудов, богослужебных книг. Размеры часовни были значительными. В алтаре она имела 4 x 12,5 арш., высота 7 арш. При часовне была паперть с венецианским окном (40).

Итак, мы видим, что попытки построить часовню боровские старообрядцы активно предпринимают с начала XIX в. Окончательно определили место и построили её в 1809 г. В 1812 г. Боровск был сожжён французскими войсками, пострадала и часовня, которую активно начали восстанавливать. К 1817—1820 гг. боровские старообрядцы могли смело утверждать, что их часовня является «старой» и имеет право на существование.

Дальнейшая судьба боровского храма, который был отобран у старообрядцев и административным решением переведён в единоверческий храм, хорошо описана у И. Тихомирова (41). Имея легально свой храм (часовню) и проводя в нём службы, боровские старообрядцы решили официально закрепить это положение, не считаясь со сложившейся к этому времени внутренней политикой николаевской империи по отношению к старообрядцам. В 1838 г. боровские старообрядцы через уполномоченных К. Большакова, М. Капырина. Т. Второва и др. подали прошение наследнику Николаю I Александру об официальном признании у боровских старообрядцев храма. Прощение было отклонено и заставило губернское светское и духовное начальство обратить на старообрядцев г. Боровска особое внимание с целью обратить их в единоверие и лишить древ-

Покровский единовѣрческій храм. Фото 1950-х годов

ней часовни. Епископ Калужский и Боровский Николай (Соколов) перешёл к решительным действиям. Он просит архимандрита Пафнутьева монастыря Геннадия воздействовать на боровских старообрядцев. Это не принесло успеха: «... и объявили, что если не будет дозволено иметь им священника по их желанию и прошению, поданному в 1838 г., в таком случае за лучшее признают оставаться без наличного при их часовне священника, нежели подчинить себя священнику, определённой духовной властью» (42). Несколько раз призывались боровские старообрядцы на увещание к архимандриту, но каждый раз безуспешно. Ходом дела интересовались Синод и калужский губернатор. Вместо того, чтобы согласиться перейти в единоверие, боровские старообрядцы заявили: «1844 г. февраля 5 дня, мы нижеподписавшиеся города Боровска старообрядцы, призванные Его Преосвященством Николаем, епископом Калужским и Боровским, дали сию подписку в том, что высочайшая воля Его Императорского Величества, чтобы мы приняли единовѣрческую церковь,

объявлена нам и правила сей церкви Его преосвященство читал со внушением, но мы веру предков наших старого обряда по поповщине оставить не желаем, потому что душевные чувства наши не согласны на перемену сию и потому что мы, преданные сердцем и душою Августейшему Государю, верные подданные и послушные законам и Его воле, желаем остаться по прежнему и пользоваться милосердным Его указом 1822 года, подтверждённым и в 1826 г., подобно как пользуются ими московское старообрядческое общество Рогожского кладбища и многие другие. Подписали: купец Ефим Милюкин, купеческий племянник Иларион Томилин, купец Никита Щукин, купец Семён Санин, купец Пётр Чичкин, купец Иван Щербаков, купеческий сын Иван Рудаков, мещанин Григорий Чичкин, мещанин Григорий Овчинников, купец Михаил Мурамцев, купеческий брат Иван Санин, купец Захар Капырин, купец Иван Девятков» (43).

Боровскому священнику Беляеву больше повезло в деле обращения некоторых старообрядцев в единоверие. Какие убеждения и средства он применял — неизвестно, но ему удалось убедить перейти в единоверие 11 человек. Это была в основном семья купца 3-й гильдии Фёдора Ефимовича Санина. В Боровске ходила поговорка «Фёдор Санин не богат, да славен!» 15 февраля 1844 г. им было подано прошение об открытии в Боровске единоверческой церкви. В прошении, кроме изъявления желания перейти в единоверие, он писал: «...Почему весьма удобно ныне существующую в Боровске часовню, именуемую старообрядческою, освятить священниками... в благословенную церковь» (44). «Таким образом, — восклицает И. Тихомиров, — боровские раскольники поповщинского согласия, вместо полной свободы в отправлении богослужения, о чём они дерзко ходатайствовали перед государем наследником, достигли того, что был поставлен на очередь вопрос об отобрании у них часовни и обращении её в единоверческую церковь» (45).

Епископ Николай обратился в Синод с докладом, в котором подробно изложил ход дела и в заключение предложил принять следующие меры для окончательного решения этого вопроса: «1) боровскую каменную раскольническую часовню, имеющую престол, царские врата, главу, крест и прочие подобные принадлежности и вообще вид церкви, освятить в единоверческую церковь, в том предложении, что боровские раскольники, по упразднении их часовни, рано или поздно должны будут присоединиться или к церквам православным приходским, или к церкви единоверческой, каковую необходимость и сами заранее видят и говорят о ней, как доходят до меня о том частные слухи; 2) часовню сию принять по описи со всею ее утварью, иконами и прочими принадлежностями от попечителей ее церковному старосте, который будет избран вместе с причтом; 3) чего не будет доставать для предполагаемой боровской единоверческой церкви из ризничных вещей и церковно-богослужебных книг, то заимствовать на время из здешней Калужской единоверческой церкви; 4) определить к сей единоверческой церкви, как на первый раз малоприходной, одного священника и одного дьячка и ходатайствовать впредь до усмотрения об окладе из казны с назначением священнику 90, а дьячку 36 р. сер. в год; 5) когда из боровских раскольников, за присоединением из них к православию или единоверию, иные останутся не присоединенными ни к первому, ни к последнему, то просить гражданское начальство ограничить свободу сих упорных людей принимать в свои дома проезжих раскольнических попов для совершения треб, воспретив также венчаться и крестить младенцев в Московской Рогожской и в Тульской раскольнических часовнях, а покойников выносить и погребать днем с некоторой торжественностью, что все ими делается почти без всякого препятствия со стороны их начальства» (46). 13 января 1846 г. Синод получил согласие Николая I на создание в Боровске единоверческого прихода. Началось проти-

востояние боровских старообрядцев светской и духовной властям. Чтобы не вызвать волнения в Боровске, боровские старообрядцы готовы были для единоверцев построить новый храм взамен разрешения им оставить за собой опечатанную моленную. 21 апреля 1846 г. боровский купец 3-й гильдии Хрисанф Головтеев и Кузьма Большаков подали такое прошение за 50 подписями на имя Николая I (47).

13 марта 1846 г. в Боровск прибывает сам губернатор Н.М. Смирнов, который в присутствии 3 единоверцев передал старообрядческий храм со всею утварью священнику Покровскому. 14–15 марта священник Покровский сделал опись храма и его имущества и передал всё это вновь избранному старосте Ф.Е. Санину. До освящения храм был опечатан и боровскому городничему Чепелевскому приказано его активно оберегать и защищать.

1 июня 1846 г. калужскому губернатору было предписано более основательно разобратся с письмом Х. Головтеева и К. Большакова, а боровским старообрядцам объявить, чтобы они больше таких прошений на имя Николая I не посылали. В течение июля–октября 1846 г. городничим это решение было объявлено боровским старообрядцам и взята с них расписка. «Успокоив» административными мерами боровских старообрядцев, нужно было торопиться с переосвящением часовни в единоверческий храм. К июлю 1846 г. относится переписка между епископом Николаем и настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря архимандритом Геннадием о том, почему не исполнено высочайшее повеление от 13 января об открытии единоверческой церкви в Боровске. Архимандрит Геннадий обратился за разъяснением к старосте церкви Ф. Санину. Тот ответил, что священник избран, причётники будут избраны священником, «что же касается до того, что церковь по сие время не готова к освящению, то это от того, что многих вещей, необходимых для богослужения, как-то: колоколов, сосудов для священнодействия, старопечат-

**Покровский единовѣрчѣский храм.
Фото В.В. Легостаева. 14 сентября 2005 г.**

ных книг, одежд на престольных и прочего — по скорости невозможно было приобрести. Ныне все сии вещи хотя и приобретены, но недостаточно ещё самых необходимых книг — Миней Месячных, — за которыми он, Санин, без промедления намерен отправиться в Москву. При том не имеется ещё и антимины древнего, без которого невозможно приступить к освящению церкви» (48). Наконец всё было улажено и 1 декабря 1846 г. состоялось освящение единоверческой церкви «при наблюдении местного начальника губернии, с военным церемониалом, при многочисленном собрании правоверных богомольцев гор. Боровска и усердствующих». А в это время старообрядцы в количестве 300 человек стояли вокруг ограды. Им пришлось подчиниться государству. Но постройки, которые стояли на церковной земле, принадлежали старообрядцам, и они их забрали.

Началась новая история храма — единоверческого Покрова Пресвятой Богородицы. Приход единоверцев состоял из 37 человек. По прошествии нескольких десятилетий единоверие в Боровске не расширилось. В 1872 г. священником церкви был Козьма Скворцов, церковь была каменная, холодная, с тёплым приделом во имя зачатия св. Анны. Приход состоял из 12 дворов (29 мужчин и 24 женщины) (49). Положение не изменилось и к концу столетия. В 1898 г. в единоверческом храме Покрова насчитывалось всего 39 прихожан. Сам храм был ветхим и разрушался. Единоверие, навязанное административным методом Синодом и Сенатом в Боровске, оказалось чуждым религиозным убеждениям верующих и не прижилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Моленная или часовня на протяжении двух столетий являлись основными культовыми зданиями у старообрядцев. *Моленная, или молитвенный дом* — 1) здание, в котором совершают свои богослужения иноверцы или раскольники и 2) у православных — особые дома, в

которых за неимением храма разрешается совершать литургию на переносном антиминсе (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. Репринт. М., 1992. С. 1586). **Часовня** – здание, увенчанное обычно крестом, в котором могут быть совершаемы богослужения, кроме литургии, последняя может быть совершаема на переносном антиминсе. Часовни устраиваются на кладбищах, при селениях, на площадях как для религиозных потребностей, так и в ознаменование каких-либо важных в церковном отношении событий. В царствование Петра I последовало запрещение строить часовни ввиду особенно того, что раскольники тайно могли в них совершать богослужение. Но явная нужда в них привела к отмене этого запрещения. Часовни должны быть непременно приписаны к какой-либо церкви (Там же. С. 2357).

2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 371. Л. 392.

3. Там же. Л. 426.

4. Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530; Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900. С. 36.

5. ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530. Л. 1.

6. Там же. Л. 5.

7. Там же. Л. 1.

8. Тихомиров И. Указ. соч. С. 36.

9. ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530. Л. 6.

10. Законами от 10 июня 1734 г., 21 июня 1734 г., 21 июля 1768 г., 1 апреля 1772 г. строительство моленных запрещалось. Указом от 17 сентября 1826 г. старообрядческие церкви, часовни и молитвенные дома, построенные до указа, оставались в том же положении, в каком они есть, но их было запрещено ремонтировать или переделывать. Указ от 5 июля 1827 г. повторно запрещал ремонтировать или переделывать культовые сооружения старообрядцев.

11. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Ч. 1. Калуга, 1912. Отдел: Материалы для истории войны 1812 года, извлечённые из архива Калужской духовной консистории (доставлены Д. С. Соколовым). С. 160–192.

12. Управлявший Калужской епархией с 1809 г. епископ Евлампий (Введенский) 16 апреля 1813 г. скончался, новый епископ Евгений (Болховитинов) был назначен на калужскую кафедру в июне 1813 г. Архиепископ Рязанский Феофилакт, который управлял Калужской епархией в 1800–1809 гг. и был, таким образом, знаком с её довоенным состоянием, был направлен Св. Синодом в Калужскую епархию в 1813 г. для сбора сведений о церковных разрушениях и выдачи пособий пострадавшим священноцерковнослужителям.

13. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. С.160.
14. Там же. С.161.
15. Там же. С.157.
16. Там же. С.164.
17. Там же. С.165.
18. Там же. С.166.
19. Там же. С.166—167, 168.
20. Там же. С.170.
21. Там же. С.172.
22. Там же. С.174.
23. Там же. С.176.
24. Там же. С.175.
25. Там же. С.179.
26. Там же. С.177.
27. Там же. С.178.
28. Там же. С.179—180.
29. Там же. С.181.
30. Там же. С.182.
31. Там же. С.183—184.
32. Там же. С.177—189.
33. Там же. С.190.
34. Там же. С.191—192.
35. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С.53—54.
36. ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1217. Л.143.
37. Там же. Д.1441. Л.1—75.
38. Там же. Л.17.
39. Там же. Л.44.
40. Тихомиров И. Указ. соч. С.38—40.
41. Там же. С.135—148.
42. Там же. С.139.
43. Там же. С.140.
44. Там же. С.141.
45. Там же. С.142—143.
46. Там же. С.143—144.
47. Российский государственный архив древних актов. Ф.1198. Оп.2. Д.5130. Л.3—4.

От редакции: Данная работа была опубликована: Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.11. М., 2006. С.63—70.

Е.В. СУВОРОВА

**КУПЕЦ-АНТИКВАР И КОЛЛЕКЦИОНЕР
Т.Ф. БОЛЬШАКОВ**

Почти все собиратели и меценаты конца XIX–начала XX вв. были купцами-старообрядцами: Щукины, Морозовы, Солдатёнковы, Рябушинские, Третьяковы. Старообрядческий мир традиционен, глубоко связан с истинной культурой – староверы от века научились спасать и сохранять своё духовное наследие, это было заложено в семейных генах. Они всё привыкли делать своими руками, знали цену вещам, умели считать. У них был намётанный глаз в деле и такой же в собирательстве, чего нельзя разделить, так как это является свойством личности. Эти люди имели собственное мнение и смелость отстаивать его. Кроме того, коллекционеры зачастую смотрели на старые книги и вещественные памятники древности как на историко-культурные памятники, как на «остатки и осколки прошлого», как на раритеты. Иным был взгляд на них, особенно на старопечатные дониконовские книги, у старообрядцев. Они рассматривали их как воплощение духовных ценностей и свидетельства существования русского старообрядчества и именно в этой связи питали к ним живой интерес. Вот почему старообрядцы успешно и целенаправленно формировали свои коллекции и старались сохранить их в своих руках и передать потомкам.

Не последнее место в ряду старообрядцев-коллекционеров занимает известный букинист и собиратель церковных древностей Тихон Фёдорович Большаков. Он родился в Боровске в семье старообрядца поповского согласия в 1794 г. (1). В 1806 г. он переехал в Москву к дяде, где первоначально имел кожевенную торговлю. Впоследствии сферой его коммерческой деятельности стала антикварная торговля. Его лавка в Нижнем Охотном ряду на Старой площади у Ильинских ворот была

одной из самых известных в Москве к середине XIX в. Торговлей антиквариатом он занимался всю жизнь.

Т.Ф. Большаков, прекрасно знавший рукописную книгу, оказывал большую помощь учёным, в том числе М.П. Погодину, Е.В. Барсову, Ф.И. Буслаеву, в их научных разысканиях. Именно Т.Ф. Большаков сумел верно оценить и приобрести для науки «Архангельское евангелие» 1092 г., вторую по времени дошедшую до нас русскую рукописную книгу.

При деятельном участии Тихона Фёдоровича комплектовались многие частные собрания древнерусских книг. С его антикварной лавкой так или иначе связаны рукописи, вошедшие в известнейшие собрания Н.П. Румянцева, Ф.А. Толстого, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева, В.М. Ундольского, С.Г. Строганова, А.С. Уварова, И.Н. Царского, К.Т. Солдатёнова, Ф.И. Буслаева, М.П. Погодина, Е.В. Барсова и многих других. Ещё современники Большакова отмечали, что он способствовал пополнению почти всех известных библиотек и коллекций. Именно он помог поступлению замечательного собрания Михаила Петровича Погодина в Императорскую Публичную библиотеку, куда перевёз его сам в 1852 г. С этим известным коллекционером, историком, литератором его связывало личное знакомство. В отделе рукописей РГБ, в фонде М.П. Погодина хранится их переписка, касающаяся покупки и продажи древностей (2). В библиотеку Общества истории и древностей российских при Московском университете Т.Ф. Большаков пожертвовал 10 рукописей (3), в этой связи в 1848 г. был избран членом-соревнователем ОИДР. В 1853 г. он избирается почётным корреспондентом Публичной библиотеки в Петербурге и комиссионером Московского Публичного и Румянцевского музея. С рукописей, приобретённых в лавке Большакова, началось собрание уроженца Калужской губернии археографа, историка литературы академика Николая Саввича Тихонравова.

Помимо помощи другим коллекционерам в пополнении их собраний Т.Ф. Большаков и сам занимался

коллекционированием. «... Т.Ф. Большаков был большой любитель и отличный знаток рукописей. Они давали ему излюбленный материал для чтения, поучений, молитвы и служб вседневных и праздничных. Старообрядец, принимавший австрийское священство*, он с благоговением относился к памятникам древней письменности, и среди рукописей его собрания было много заветных и любимых, с которыми он не расставался всю жизнь...», — так характеризовал Т.Ф. Большакова описывавший его собрание Г.П. Георгиевский (4). В первой четверти XIX в. начав собирать рукописи, старопечатные книги, иконы, изделия из серебра, он продолжал это делать в течение 50 лет книгопродавческой деятельности. Академик В.С. Иконников, в круг научных интересов которого входила история разыскания, собрания, исследования и публикации в России различных исторических источников, характеризовал Т.Ф. Большакова как человека, «около 50 лет неутомимо следившего за всеми редкостями и достопамятствами по этой части» (5).

По большей части памятники письменности приобретались Т.Ф. Большаковым для продажи, но некоторые интересовали его особенно. Таким образом формируется его «громадное» (по словам его первого биографа, крупного издателя произведений народного творчества, фольклориста Петра Алексеевича Бессонова) собрание духовных стихов, которое Большаков подарил ему в 1863 г.

Хранитель Румянцевского музея А.Е. Викторов свидетельствовал о том, что «не для продажи, а с мыслью составить из них коллекцию» собирал Т.Ф. Большаков и древние нотные рукописи. В пользу того, что у Большакова было собрание, не смешиваемое с продающимися в магазине древностями, говорит и тот факт, что рукописи, которые приобрести было невозможно, он переписывал собственноручно или по заказу. Примером

*имеются в виду старообрядцы белокриницкого согласия; первоначально кафедра митрополита находилась в с. Белая Криница на территории Австрии (*ред.*)

тому служит переданное в 1914 г. его внуком Николаем Сергеевичем в Румянцевский музей собрание творений Максима Грека в двух частях: «... первая из них переписана была по заказу Тихона Фёдоровича, а вторая списана им самим» (6).

Помимо рукописных и старопечатных книг, нот, бытовой и церковной утвари в собрание Большакова входили иконы XII—XIII вв., гравюры и лицевое шитьё.

Каковы же источники пополнения коллекций Большакова? А.М. Мальгрём отмечал, что рукописи он скупал повсюду, преимущественно на севере (примерно шестую часть фонда Большакова в ОР РГБ составляют литературные и исторические памятники в списках XV—XIX вв., среди которых много житий северорусских святых). В 1861 г. Большаков предпринял первую поездку на Нижегородскую ярмарку с целью пополнения своего собрания. Кроме того, будучи старообрядцем, он имел обширные связи по всей России: он «был узлом могущественной связи, соединившей все концы России от каковой-нибудь саратовской и тобольской избы до Императорской Публичной библиотеки».

После смерти Т.Ф. Большакова его дело унаследовал сын Сергей Тихонович (1842–1906). Часть обширной коллекции отца он решил передать в Московский Публичный и Румянцевский музей. В два приёма в 1863 и 1864 гг. музей «за очень недорогую цену» приобрёл от С.Т. Большакова 370 рукописей по выбору хранителя музея А.Е. Викторова. 50 рукописей им были пожертвованы «...в память о собирателе и владельце их». Это собрание составило основу отдела рукописей Московского Публичного и Румянцевского музея. Они заняли в нём первые номера по порядку от №1 до 435. Ныне они составляют фонд №37 отдела рукописей Российской Государственной библиотеки.

Деятельность наследника Большакова на поприще книжной торговли и собирательства была весьма успешной. Он был знаком со многими выдающимися коллекционерами и меценатами того времени, был комиссио-

нером Московского Публичного и Румянцевского музея. В 1890 г. в Москве он устроил выставку книг и предметов из коллекции отца. Интересные воспоминания о С.Т. Большакове оставил П.И. Щукин (7). Его обширная переписка, так же как и переписка отца хранится в ОР РГБ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробные биографические сведения см.: Бахрушин А.П. Из записной книжки А.П. Бахрушина: Кто что собирает. М., 1916. С.117–121; Большаков Т.Ф. // Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. «Бетанкур–Бистер». С.207–208.
2. ОР РГБ. Ф.231. Раздел II. Картон 5. Д.69 и др.
3. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. Т.1. Вып.2. М., 1986. С.306.
4. Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф. Большакова, хранящиеся в императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. С.VI.
5. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. Т.1. Вып.1. М., 1983. С.77.
6. Георгиевский Г.П. Указ. соч. С.VIII.
7. Щукин П.И. Воспоминания: Из истории меценатства в России. М., 1997. С.54, 109, 216, 218–220.

Н.П. ЛОШКАРЁВА

**УЗЯКОВ РАКИБ АБУБАКИРОВИЧ
(К 80-ЛЕТИЮ КРАЕВЕДА)**

Родился 4 февраля 1926 г. в с. Тукай Александровского района Оренбургской области в татарской семье. Отец Узьяков Абубакир Ахметшич и мать Гатия Гатаувна — крестьяне-середняки, впоследствии колхозники. В 1934 г. семья переехала в зерносовхоз «Ударник» (в настоящее время Зарбдар) Зааминского района Самаркандской области Узбекистана.

В 1939 г. вступил в комсомол, а в 1941-м окончил 7 классов Ломакинской средней школы им. Сталина Зааминского района. С декабря 1941 г. по март 1942 г. обучался на курсах трактористов-комбайнёров Нарынского учкомбината Наманганской области УзССР. С 26 марта 1942 г. по 6 февраля 1943 г. работал комбайнёром зерносовхоза «Ударник» станции Ломакино Зааминского района. 6 февраля 1943 г. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР по приказу Наркомзема СССР от 9 января 1943 г. направлен в освобождённую от фашистских оккупантов Хабезскую МТС Черкесской АО Ставропольского края трактористом-комбайнёром.

Оттуда 14 мая 1944 г. призван в ряды Советской армии. Сначала направлен в Сталинград в 356-й запасной полк, а в августе 1944 г. — на фронт связистом в звании рядового роты связи 211-й СД 38-й армии I Украинского фронта. Принимал участие в Дукельско-Карпатской операции: на Дукельском перевале во время отражения контратаки фашистов был ранен в голову осколком мины (05.10.1944). Попал в эвакуогоспиталь №3422 I Украинского фронта, располагавшийся в польском г. Ярослав-на-Сане. С 30 декабря 1944 г. по 1 апреля 1945 г. — курсант курсов санинструкторов №110

I Украинского фронта в г. Ярослав-на-Сане. С 20 апреля 1945 г. по 16 августа 1947 г. — санинструктор в звании старшего сержанта и комсорг роты 17-й гвардейской Краснознамённой орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады 6-го гвардейского мехкорпуса 4-й танковой армии I Украинского фронта. Принимал участие в Берлинской операции (16.04—08.05.1945): штурме и взятии Берлина, — и Пражской операции (06—11.05.1945): освобождении Праги, — за что получил благодарности Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина (соответственно 2 мая и 9 мая 1945 г.), а также благодарность Верховного Главнокомандующего за взятие Люкенвальда (апрель 1945 г.). С 16 июня 1947 г. по 30 декабря 1950 г. — в звании гвардии старшины и в должности старшины медсанвзвода и комсорга в/ч 35620, дислоцировавшейся на территории Германии. В 1948 г. вступил в ряды ВКП(б) (с 1952 г. — КПСС), состоял в них до 1991 г. 17 декабря 1950 г. получил за безупречную службу благодарность Главнокомандующего группой Советских оккупационных войск в Германии маршала Советского Союза В.И. Чуйкова. В декабре 1950 г., находясь в г. Пазевальк, демобилизовался в звании гвардии старшины и 31 декабря 1950 г. прибыл домой на ст. Ломакино Зааминского района Самаркандской области УзССР.

18 января 1951—17 августа 1954 гг. — освобождённый секретарь комсомольской организации и член партбюро зерносовхоза «Ударник» ст. Ломакино, член Зааминского РК ЛКСМ, завклубом. 8 августа 1951 г. был делегатом XVIII Зааминской районной партконференции (с. Заамин). В 1952—1954 гг. — член Самаркандского обкома ЛКСМ и член рабочкома зерносовхоза «Ударник». В 1952 г. избран депутатом Ломакинского поселкового совета XIII созыва. В 1953—1954 гг. — член Самаркандского обкома профсоюзов. В январе 1954 г. был делегатом XIV съезда ЛКСМ Узбекистана (г. Ташкент, мандат №254).

По рекомендации Самаркандского облсовпрофа на-

правлен Узбекским республиканским советом профсоюзов на учёбу в Ленинградскую Высшую школу профсоюзного движения ВЦСПС (в настоящее время — Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов), где обучался с 1 сентября 1954 г. по 18 августа 1957 г. 20 января 1955 г. — делегат Ленинградской объединённой кустовой конференции профсоюза работников культуры (г. Ленинград, мандат №237). В 1955–1956 гг. — член профкома Ленинградской Высшей школы профдвижения ВЦСПС. В 1956–1957 гг. — член партбюро первой партконференции Ленинградской Высшей школы профдвижения ВЦСПС.

По окончании Высшей школы профдвижения принимал участие в освоении целинных земель Голодной степи. 27 июля 1957–29 октября 1960 гг. — освобождённый председатель стройкома профорганизации СМУ-17 «Мирзачульводстроя» Главголодностепстроя ст. Велико-Алексеевская (в настоящее время г. Бахт) Сырдарьинского района Ташкентской области УзССР. Ноябрь 1958–декабрь 1960 гг. — член Ташкентского обкома профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок. 1958–1962 гг. — депутат Велико-Алексеевского поссовета Сырдарьинского района Ташкентской области. 16 декабря 1959 г. — делегат XV Сырдарьинской районной партконференции (мандат №248). 18 февраля 1960 г. — делегат II Ташкентской областной межсоюзной конференции профсоюзов (мандат №440). 29 октября 1960–17 декабря 1962 гг. — освобождённый секретарь парторганизации СМУ-17 «Мирзачульводстроя» Главголодностепстроя ст. Велико-Алексеевская. Январь 1961–октябрь 1962 гг. — член Сырдарьинского РК КП. Январь 1961 г. — делегат XVI Сырдарьинской районной партконференции (г. Сырдарья, мандат №64). 24 августа 1961 г. — делегат XVII Сырдарьинской районной партконференции (г. Сырдарья, мандат №115). Октябрь 1961–октябрь 1963 гг. — член Сырдарьинского райкома. В 1962 г. избран депутатом по Велико-Алексеевскому избирательному округу, в сентябре он делегат Сыр-

дарьинской районной конференции профсоюза работников просвещения (г. Сырдарья). 17 декабря 1962—6 октября 1963 гг. — сначала инструктор, затем заведующий идеологическим отделом Сырдарьинского РК КП, ответственный секретарь Сырдарьинского райотдела общества «Знание», лектор. 30 декабря 1962 г. — делегат I конференции партийных организаций Сырдарьинского производственного управления (г. Сырдарья Сырдарьинской области, мандат №266). В январе 1963 г. — делегат IV Ташкентской областной конференции профсоюза рабочих сельского хозяйства и заготовок (г. Ташкент, мандат №160). 28 марта 1963 г. — делегат I Сырдарьинской областной конференции общества «Знание» (г. Гулистан Сырдарьинской области, мандат №27). 23 мая 1963 г. — делегат I Сырдарьинской областной конференции профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений (г. Гулистан). Август 1963 г. — делегат II конференции партийных организаций Сырдарьинского производственного управления (г. Сырдарья).

В октябре 1963 г. переехал в п. Балабаново Боровского района Калужской области. 6 октября 1963—8 апреля 1974 гг. — сначала освобождённый секретарь парткома, позже заместитель начальника по эксплуатации автотранспорта базы автомеханизации 2921 Министерства обороны СССР, член парткома и партбюро базы автомеханизации 2921, член Боровского РК. 4 февраля 1963 г. — делегат I партконференции в/ч 36888 (г. Москва, мандат №184). 19 декабря 1963 г. — делегат XXIV партконференции Московского военного округа (г. Москва, мандат №402). 8 января 1964 г. — делегат I комсомольской конференции в/ч 36888 (г. Москва, мандат №74). 1964—1966 гг. — депутат Балабановского поссовета. Сентябрь 1964 г. — делегат II Боровской промышленно-производственной партконференции (г. Боровск, мандат №342). Январь 1965 г. — делегат II комсомольской конференции в/ч 36888 (г. Москва, мандат №21). 29 января 1965 г. — делегат II партконференции в/ч 36888 (г. Москва, №146). С 14 марта 1965 по 18 марта 1967 гг.

**Р.А. Узяков на митинге,
посвящённом Дню Военно-морского флота в с. Комлево.
30 июля 2006 г.**

депутат Балабановского поселкового Совета Боровского района по избирательному округу №48. 29 декабря 1965 г. — делегат II партконференции в/ч 52703 (г. Москва, мандат №179). Декабрь 1965 г. — делегат XXVII Боровской районной партконференции. Январь 1966 г. — делегат III комсомольской конференции в/ч 36888 (г. Москва, мандат №30). 14 декабря 1967 г. — делегат IV партконференции в/ч 36888 (г. Москва). 8 апреля 1974—18 марта 1978 гг. — заместитель генерального директора Ермолинского хлопчатобумажного объединения п. Ермолино Боровского района Калужской области. 1975—1978 гг. — член партбюро парторганизации ЕПХБО п. Ермолино. 1975—1977 гг. — депутат Ермолинского поссовета. В сентябре 1976 г. — делегат Калужской областной профсоюзной конференции работников текстильной промышленности (г. Калуга). В ноябре 1976 г. — делегат XXXIV Боровской районной комсомольской конференции. В сентябре 1977 г. — делегат Калужской областной конференции профсоюза работников текстильной промышленности. 1975—1977 гг., 19 июня 1977—1979 гг. — депутат Ермолинского поссовета (избирательный округ №61). С марта 1978 по 15 октября 1988 гг. — секретарь и член партбюро, заместитель начальника Балабановского территориального управления Главзарибежпромстроя. Октябрь 1979 г. — делегат Калужской областной конференции профсоюза работников строительства (г. Калуга). 1980 г. — делегат XXXIV Боровской партийной конференции. С апреля 1982 по 1987 гг. — председатель совета ветеранов Ленинского комсомола, партии, войны и труда при Боровском РК ВЛКСМ, член Калужского областного совета ветеранов комсомола, партии, войны и труда. В июне 1982 г. — делегат I областной конференции ветеранов Ленинского комсомола при Калужском обкоме ВЛКСМ. 1982 г. — делегат XXXV Боровской партконференции. В июне 1984 г. — делегат II Калужской областной конференции ветеранов Ленинского комсомола при Калужском обкоме ВЛКСМ. 24 сентября 1984 г. — делегат XXXV Боровской районной

комсомольской организации (мандат №299). С 18 августа 1988 г. — персональный пенсионер. Ракиб Абубакирович является также почётным ветераном 4-й гвардейской Краснознамённой танковой армии.

Значительное место в жизни Р.А. Узякова занимала и занимает любовь к отечественной истории и к тому месту, где по той или иной причине ему пришлось жить. Приобретённым жизненным опытом и знаниями он старается делиться с общественностью. Это выразилось в том, что с 1948 по 1985 гг. он являлся пропагандистом сети просвещения, с 1954 по 1984 гг. — лектором общества «Знание», а с 1964 по 1984 гг. — членом совета Боровского райотделения общества «Знание». С 1968 г. он активно публикует в местном органе печати, газете «За коммунизм» (с 1991 г. — «Боровские известия»), краеведческие заметки, рассказы о своём боевом пути и боевых товарищах, о становлении первых органов РКП(б) и РКСМ в уезде, первых МТС, колхозах и жителях района, а также сотрудничает с Боровским музеем. Ракиб Абубакирович собрал материал по истории г. Балабанова и его окрестностей, вошедший в книги «Балабаново. Историко-краеведческие очерки» (Балабаново, 1997) и «Балабаново: прошлое и настоящее» (Балабаново, 2005). О своём боевом пути, боевом пути своих товарищей и о них самих публиковал материал в газетах «Воин» (Чехословакия), с 1980 г. — в газете «Знамя» (г. Калуга), с 1992 г. — в газете «Весть» (г. Калуга), а также в калужской газете «Молодой ленинец», малоюрославецкой «Маяк», в газетах «Южный Казахстан», «Комсомолец Узбекистана» и «Зарбдор» (УзССР) — с 1960 по 1963 гг. Он участник и слушатель краеведческих конференций Боровского историко-краеведческого музея с 1992 г., действительный член Русского Географического общества (удостоверение №357 от 16 июля 1996 г.), председатель Балабановского городского общества инвалидов с мая 1997 по 2000 гг., в настоящее время является председателем Совета Балабановского городского краеведческого музея. Его главный интерес проявился в краевед-

ческих публикациях — это история края, судьбы ветеранов Великой Отечественной войны, история молодёжного и партийного движения и строительства, колхозно-совхозное строительство.

Имеет награды: орден Отечественной войны 1-й степени (11.03.1985), медали «За отвагу» (июнь 1945), «За боевые заслуги» (декабрь 1947), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (24.03.1946), «За взятие Берлина» (04.05.1947), «За освобождение Праги» (15.04.1946), медаль ЧССР «Карпатско-Дукельская операция» (06.10.1969) и «20 лет Словенского восстания», а также юбилейные медали и медали «За трудовое отличие к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина» (20.04.1970) и «Ветеран труда» (1974), знак ЦК ВЛКСМ «За освоение Голодной степи» (удостоверение №369 от 09.12.1959), юбилейная медаль «120 лет И.В. Сталину (1879–1999)», благодарственные и почётные грамоты по комсомольской, профсоюзной и партийной линии (1953–1997), за краеведческую работу.

Н.П. ЛОШКАРЁВА

**ДЕНИСОВА АННА ЛЕОНИДОВНА
(К 70-ЛЕТИЮ РЕСТАВРАТОРА)**

Родилась 24 ноября 1936 г. в г. Виннице на Украине. Отец её, Литвак Леонид Самуилович, был электриком-механиком, участвовал в советско-финской, Великой Отечественной войнах, домой вернулся в 1947 г. Мать — Литвак Елизавета Григорьевна — работала агентом Госстраха.

С 1945 по 1955 гг. Анна Леонидовна училась в русскоязычной десятилетней школе в Виннице. После её окончания уехала в Хабаровск и поступила в Хабаровский железнодорожный институт. В 1960 г. окончила его по специальности строительство железных дорог с квалификацией инженер. По распределению 2 года (1960–1962) работала на ст. Боготол Красноярской ж/д сначала старшим путевым рабочим, потом мастером капитального ремонта зданий. С 1962 по 1969 гг. работала инженером техотдела проектно-конструкторского бюро при Владимирском совнархозе (г. Владимир). В феврале 1969 г. переехала с семьёй в п. Балабаново (с 1972 г. — город) Боровского района Калужской области. Полгода работала в СМУ-8, а затем устроилась в лабораторию домостроения ВНИИдрева. С 24 марта 1976 г. и до выхода на пенсию в 2003 г. работала прорабом Боровского реставрационного участка Калужских специальных научно-реставрационных производственных мастерских (с 1992 г. — ООО «Реставратор-1»).

Под её руководством Боровский реставрационный участок выполнил наибольший объём реставрационных работ в Пафнутьев-Боровском монастыре — памятнике федерального значения (1976–1994), были проведены реставрационные работы на памятнике федерального значения церкви Бориса и Глеба (1985–1993), храме Pokрова на ул. Циолковского (1989), церкви Всех Святых (1990–1993), доме-квартире К.Э. Циолковского (1992–

**РЕСТАВРАТОРЫ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ.
СИДИТ А.Л. ДЕНИСОВА, ПРОРАБ РЕСТАВРАЦИОННОГО УЧАСТКА.
СПРАВА Л.С. МУРАВЬЕВ-МОИСЕЕНКО, РЕСТАВРАТОР ФРЕСКОВОЙ
ЖИВОПИСИ; СЛЕВА Н.В. ЧУРКАНОВА, АРХИТЕКТОР. ФОТО 1988 Г.**

1996) в Боровске, хозяйственной риге в усадьбе Белкино с. Белкино Боровского района (1993–1996). Боровским реставрационным участком под руководством Анны Леонидовны ремонтировался памятник в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. в с. Тарутино Жуковского района Калужской области (1982, 1995), принимали боровские реставраторы участие и в восстановлении усадебного дома Гончаровых в Полотняном Заводе недалеко от Калуги (1998–1999).

За период трудовой деятельности А.Л. Денисова неоднократно удостоивалась звания Ударника социалистического труда, Ударника пятилетки, неоднократно получала благодарности, была награждена медалью «Ветеран труда».

БОРОВСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «КАЛУЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Боровский историко-краеведческий музей был открыт в 1987 г. как филиал Калужского областного краеведческого музея. Про музей можно много рассказывать. Например, о том, что он один из самых «богатых» филиалов КОКМ: более 10400 единиц хранения в фондах и 6500 книг в библиотеке. Или о том, что музей проводит большую и разнообразную работу:

— научно-исследовательскую: сотрудниками написано более 160 статей, проведено 17 конференций и семинаров;

— выставочную: 59 выставок

— издательскую: 7 выпусков «Боровского краеведа» (1988–1997), сборник «Монастыри в жизни России» (1997), альбом малого формата «Боровск на старых открытках» (1994), 2 издания пособия для учителей «Боровский край с древнейших времён до конца XVII в.» (1998 и 1999), 5 выпусков сборника «Боровск: страницы истории» (выходит с 1999 г.); с 2005 г. выходит сборник «Земля боровская».

Но лучше увидеть музей своими глазами.

Боровские храмы. Фото о. Сергия (Полякова)

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НАШИ ВЫСТАВКИ И ПОБЫВАТЬ НА ЭКСКУРСИЯХ:**

- Старый Боровск;
- Пафнютьев-Боровский монастырь — историко-архитектурный памятник XVI–XIX вв.;
- «... в Боровск ... на место мученное...» (по боровским местам страданий протопопы Аввакума, боярыни Ф.П. Морозовой, княгини Е.П. Урусовой);
- По пути гибели армии Наполеона (Боровск–Малоярославец);
- Путь к звёздам: К.Э. Циолковский на калужской земле (Боровск–Калуга).

Заказать экскурсии можно по телефонам:

(8-484-38) 4-32-36; 4-32-78; 8-910-518-05-97.

**Рождества Пресвятой Богородицы
ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ФОТО А. ЛЮВЧЕНКО**